

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

• В С Е • Р А С С Л Е Д О В А Н И Я • Н И Р О • В У Л Ф А •

РЕКС
СТАУТ

Красная
шкатулка

Рекс Стаут
Красная шкатулка

Rex Stout

THE RED BOX

Copyright © 1937 by Rex Stout

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

© Г. П. Злобин (наследники), перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Вулф смотрел на посетителя, широко раскрыв глаза, а это означало либо полное его безразличие, либо раздражение. Сейчас он был явно раздражен.

– Повторяю, мистер Фрост, это бесполезно, – заявил он. – Я никогда не выхожу из дому по делу. Никто не заставит меня изменить моим правилам. Я сказал вам это еще пять дней назад. Всего хорошего, сэр!

Ллевелин Фрост заморгал, но явно не согласился, что разговор окончен. Напротив, он уселся в кресле поудобнее и терпеливо продолжил:

– Мистер Вулф, в прошлый вторник я не настаивал, потому что мне казалось, что есть другие способы. Но ничего не получилось. Теперь у меня нет выхода. Вы просто обязаны поехать со мной. Неужели вы не можете хотя бы на один день забыть о своей роли гения с причудами? По-моему, исключение из правил пойдет лишь на пользу вашей репутации. Как крохотный недостаток, который оттеняет совершенство, как легкая запинка, подчеркивающая красноречие. Боже милосердный, это же совсем рядом, всего каких-нибудь двадцать кварталов – Пятьдесят вторая улица между Пятой и Мэдисон-авеню. На такси за восемь минут доедем!

– Вот как? – Вулф зашевелился в кресле, он потихоньку закипал. – Сколько вам лет, мистер Фрост?

– Мне? Двадцать девять.

– Не такой уж юный возраст, чтобы оправдать вашу наглость! Вы, видите ли, не настаивали. Вы смеете предлагать мне кинуться сломя голову в безумную поездку сквозь водовороты уличного движения – к тому же в такси! Да будет вам известно, сэр, я не сяду в такси, даже если это сулит мне разгадку величайшей тайны Большого Сфинкса и в качестве вознаграждения – несметные сокровища

Нила! – Он понизил голос до возмущенного шепота. – Подумать только – такси!

Я сидел за своим столом в восьми футах от него, вертел в пальцах карандаш и одобрительно ухмылялся. За девять лет работы у Ниро Вулфа я утратил скептическое отношение ко многому, что касается этого джентльмена. Например, что он лучший частный детектив севернее Южного полюса. Что свежий воздух вреден его легким. Что любое физическое усилие – не говоря уже о необходимости продираться сквозь толпу – расстраивает его нервную систему. Что он умрет с голоду, случись какая-нибудь беда с Фрицем Бреннером, ибо никто, кроме Фрица, не способен приготовить что-либо съедобное. И есть еще множество других пунктиков подобного рода, но я опушу их, поскольку не исключено, что Ниро Вулф когда-нибудь прочтет эти записки.

Мистер Фрост спокойно наблюдал за собеседником.

– Я вижу, мистер Вулф, вы весьма довольны собой. А между тем убита ни в чем не повинная девушка, и другим девушкам угрожает серьезная опасность. А ведь вы считаете себя выдающимся детективом, правда? Что ж, в этом никто не сомневается. Но произошла трагедия, которая может повториться, а вы разглагольствуете, точно Бут с Барретом^[1], о такси и уличном движении. Я ценю хорошую актерскую игру, я ведь занимаюсь шоу-бизнесом. Однако бывают, мне кажется, случаи, когда обыкновенное человеческое сочувствие чужому горю и страданиям заставляет смыть грим. Если же это не игра – тем хуже. Если боязнь небольших личных неудобств...

– Бесплезно, мистер Фрост, – покачал головой Вулф. – Неужели вы рассчитываете, что я стану вдаваться в объяснения своих поступков? Вздор, чистейший вздор! Если убита девушка, на это есть полиция. Другим девушкам тоже грозит опасность? Я глубоко сочувствую им, но мое сочувствие не дает им исключительного права на мои профессиональные услуги. Я не волшебник и не могу устранить опасность мановением руки. И я, разумеется, не поеду в

такси. Я вообще выезжаю только в собственном автомобиле и с мистером Гудвином за рулем, да и то по самым неотложным делам личного порядка. Вы видите мою комплекцию, передвигаться я могу, но мой организм не переносит внезапных или длительных перемещений, тем более насильственных. Вы взываете к обыкновенному человеческому сочувствию, но я не вижу с вашей стороны даже элементарного уважения к неприкосновенности моего жилища. Комната, где мы находимся, служит мне кабинетом, но я не только работаю в этом доме, но и живу. Всего хорошего, сэр.

Молодой человек покраснел, но с места не двинулся.

– Значит, не поедете?

– Не поеду.

– Двадцать кварталов, восемь минут, на вашем собственном автомобиле?

– Ни за что! Фантастика!

Фрост нахмурился и, пробурчав себе под нос что-то насчет упрямства, которым страдают не только известные четвероногие, достал из внутреннего кармана пиджака какие-то бумаги и выбрал сложенный вдвое листок, остальные спрятал обратно. Потом поднял глаза на Вулфа и заговорил:

– Я почти два дня бегал, чтобы собрать подписи под этой бумагой. Не перебивайте, пожалуйста, дайте мне сказать. Так вот, Молли Лок отравили ровно неделю назад, и началась какая-то игра в прятки. Через два дня, то есть в среду, стало ясно, что полиция топчется на месте, и я обратился за помощью к вам. Я слышал о вас и раньше и знал, что вы тот самый человек, который мне нужен. Я попытался привезти сюда Макнейра и остальных, но они отказались ехать. Тогда я попытался отвезти вас к нему, но вы тоже не захотели, и я опрометчиво послал вас ко всем чертям. Это было пять дней назад. Потом я нанял другого сыщика и заплатил ему триста долларов неизвестно за что. От полицейского инспектора и его ребят толку как от плохих актеров в шекспировской трагедии. Дело и впрямь темное, кроме вас, вряд ли кто его распутает. Это я сообразил в

субботу и весь день мотался по городу, даже прихватил воскресенье. Вот, посмотрите, – закончил он, пододвигая бумагу Вулфу.

Вулф неохотно взял листок. Я видел, как медленно прикрылись его глаза, и понял, что написанное произвело на него впечатление. Он еще раз пробежал текст, глянул на Ллевелина Фроста и протянул листок мне. Это было письмо, отпечатанное на превосходной бумаге:

28 марта 1936 года, Нью-Йорк

Мистеру Ниро Вулфу

Дорогой сэръ!

В ответ на обращение мистера Ллевелина Фроста мы, нижеподписавшиеся, убедительно просим Вас расследовать обстоятельства смерти Молли Лок, которая была отравлена 23 марта в помещении фирмы «Бойден Макнейр инкорпорейтед» на Пятьдесят второй улице в Нью-Йорке. Мы очень надеемся, что Вы не откажетесь встретиться для этого с мистером Макнейром в его конторе.

Со всей почтительностью напоминаем Вам, что каждый год Вы выезжаете из дому, дабы посетить Столичную выставку орхидей. Хотя нынешний повод не является для Вас столь значительным, он тем не менее представляется нам достаточным, чтобы просить Вас пожертвовать частью своего драгоценного времени и привычным распорядком жизни.

С глубоким уважением,

Уинолд Глюкнер

Куйлер Дитсон

Т. М. О'Горман

Реймонд Плен

Чарльз Э. Шенкс

Кристофер Бэмфорд

Я отдал листок Вулфу, сел и, улыбаясь, выжидательно поглядел на него.

Он сложил письмо и сунул под кусок окаменелого дерева, служивший ему пресс-папье.

– Это все, что я мог придумать, – сказал Фрост. – Иначе просто беда. Надо же как-то распутать всю эту историю. Там уже поработал Дэл Причард, но совершенно впустую. Поэтому я и решил во что бы то ни стало заарканить вас. Так вы поедете?

Указательный палец Вулфа описывал кружки на подлокотнике кресла.

– Какого дьявола они подписали это письмо? – спросил он.

– Очень просто: я упросил их. Объяснил, что, кроме Ниро Вулфа, такое преступление никому не раскрыть. Идея была в том, чтобы уломать вас взяться за это дело. Сыграть на вашем главном, разумеется после гастрономии и денег, увлечении – орхидеях. Джентльмены, сказал я им, вы лучшие цветоводы в Америке, выращивающие орхидеи. Только вы можете повлиять на него. Само собой, я заранее запасся рекомендательными письмами, и все вышло в наилучшем виде. Обратите внимание, тут только самые известные имена.

Вулф вздохнул:

– У Алека Мартина в Резерфорде сорок тысяч кустов. А его подписи нет.

– Была бы, если бы я к нему обратился. Но Глюкнер сказал, что, по вашему мнению, Мартин – ненастоящий цветовод, всякие фокусы выделывает. Так вы поедете?

– Чепуха какая-то, – снова вздохнул Вулф. – Сплошной обман и насилие. – Он погрозил пальцем. – Вы, вижу, ни перед чем не остановитесь. Отрывать уважаемых и занятых людей от работы, чтобы подписать идиотскую бумагу... Нет слов! И меня из терпения выводите. Зачем вам это нужно?

– Хочу, чтобы вы взялись за это дело.

– Почему именно я?

– Больше никто с ним не справится.

– Весьма признателен, но... Почему вас это интересует?
Отравленная девица – она вам кто?

– Никто. – Фрост поколебался и продолжил: – То есть я был знаком с ней. Но я говорю об опасности... Черт, надо все по порядку! Значит, было так...

– Позвольте, – резко перебил его Вулф. – Если погибшая не приходится вам родственницей и вообще человек не близкий, в какое положение вы ставите сыщика, которого пригласили? И потом: если вы не убедили Макнейра приехать ко мне, где гарантия, что он пожелает разговаривать со мной, если я приеду к нему?

– Будет, обязательно будет. Я объясню...

– И последнее. Я беру высокую плату.

– Это я знаю. – Молодой человек сильно покраснел и подался вперед. – Послушайте, мистер Вулф, я давно вырос из коротких штанишек и денежек отцовских потратил дай бог, особенно в последние два года, когда взялся финансировать театральные постановки. Все с треском проваливались. Но вот наш новый спектакль – гвоздь сезона! Премьера была две недели назад. «Пули на завтрак» называется, не видели? Билеты распроданы на два месяца вперед. Денег у меня хватит. Только бы докопаться, откуда взялся этот проклятый яд, и найти способ... – Фрост умолк.

– Способ... продолжайте, сэр!

Фрост нахмурился:

– Способ выманить из этой смертоубийственной дыры мою ортокузину, то есть двоюродную сестру, дочь брата моего отца.

– Вот как! – Вулф пристально посмотрел на посетителя. – Вы что, антрополог?

– Да нет же. – Фрост снова покраснел. – Говорю вам, я работаю в шоу-бизнесе. И готов заплатить вам в разумных пределах любую сумму, даже сверх того. Давайте сразу и об этом договоримся.

Конечно, вы вправе сами назначить гонорар, но мне бы хотелось выплатить его двумя равными частями. Одну, когда вы узнаете, откуда взялись отравленные конфеты, другую – когда мы уломаем мою кузину расстаться с Макнейром. Хелен упряма, может, похлеще вас, и вам, наверное, придется отработать первую часть гонорара, чтобы получить шанс на вторую. Мне, впрочем, безразлично, отработаете вы или нет. Даже если и не распутаете обстоятельства смерти Молли Лок, но убедите Хелен уйти из фирмы, половина назначенной суммы – ваша. Учтите, на испуг Хелен не возьмешь, она не робкого десятка. Кроме того, она вбила себе в голову дурацкую привязанность к Бойдену Макнейру. Знаете, как она его зовет? Дядя Бойд! Хотя никакой он ей не дядя, а просто старый знакомый тети Калли, матери Хелен. Она его знает всю жизнь. Потом этот недоумок Жебер... Нет, лучше с самого начала... Куда же вы?

Вулф отодвинул кресло, поднялся и неторопливой твердой походкой, не лишенной даже некоторого изящества, вышел из-за стола:

– Сидите, сидите, мистер Фрост. Кажется, уже четыре, в это время суток я провожу два часа в оранжерее. Мистер Гудвин запишет подробности смерти Молли Лок, а также все ваши семейные обстоятельства, если они имеют отношение к делу. Мне остается только пожелать вам – кажется, в четвертый раз – всего хорошего.

С этими словами Ниро Вулф направился к дверям. Фрост вскочил и крикнул, с усилием выдавливая слова:

– Но вы приедете?!

Вулф обернулся:

– Фантастика! Вы же прекрасно знаете, что приеду! Но я вот что скажу: если бы на этой идиотской, возмутительной бумаге стояла подпись Алека Мартина – быть бы ей в мусорной корзине. Он делит клубни орхидей, понимаете? Фантастика!.. Арчи, мы встретимся с мистером Фростом в конторе Макнейра завтра в десять минут двенадцатого.

Фрост начал было кипятиться, уверяя, что дело не терпит отлагательств, но Вулф вышел, не обращая на него внимания. Я услышал урчание лифта и лязг дверцы.

Ллевелин Фрост повернулся ко мне – то ли радостный от успешного окончания разговора, то ли возмущенный вынужденной задержкой. Поскольку он стал нашим клиентом, я решил присмотреться к нему: светлый шатен, немного вьющиеся волосы зачесаны назад, широко раскрытые карие глаза, мало что говорящие о мыслительных способностях, крупный нос и широкий подбородок, тяжеловатый даже для его шестифутового роста.

– В любом случае я премного обязан вам, мистер Гудвин. – Фрост опустил в кресло. – Насчет Мартина вы здорово придумали. Большую услугу мне оказали, я этого не забуду, уверяю вас...

– Чепуха! – отмахнулся я. – Услуги я сам себе оказываю. А идея нашего коллективного прошения – заполучить стóящего клиента и заодно поставить научный эксперимент: сколько эргов потребуется, чтобы вывести моего шефа из состояния неподвижности. У нас три месяца интересной работы не было. – Я взял блокнот, карандаш и выдвинул боковую столешницу. – Кстати, мистер Фрост, не забудьте, что письмо вы сами придумали. Мне тут думать не положено.

– Конечно, – кивнул он. – Строго между нами. Никому ни слова, обещаю.

– Хорошо. – Я перелистал блокнот, нашел чистую страницу. – Ну а теперь примемся за отравление, раз уж вам хочется потратить денежки. Выкладывайте все по порядку.

Глава 2

Итак, я все-таки вынудил Ниро Вулфа бросить вызов стихиям. Самой страшной из них в этот день оказалось яркое, теплое мартовское солнце. Да, это я нашел приманку, заставившую его нарушить свои правила. Он вышел на улицу мрачный, оскорбленный в лучших чувствах, одетый в пальто, поверх которого был повязан шарф, с какими-то несусветными штуковинами поверх ботинок – он их называл гамашами, – в черной фетровой пиратской шляпе немыслимого размера, надвинутой на самые уши, в перчатках и с тростью в руке. И вытащило его на улицу имя Уинолда Глюкнера, чья подпись открывала список цветоводов в злополучном письме. Того самого Глюкнера, который получил от своего агента в Сараваке, что на острове Калимантан, четыре клубня розоватой *Coelogyne pandurata* – небывалого в наших краях вида орхидей, и презрительно фыркнул, когда Вулф предложил ему три тысячи зеленых за два из них. Я знал, какая старая задница этот Глюкнер, и потому сомневался, что он расстанется со своими клубнями, даже если Вулф раскроет по его просьбе сотню самых загадочных убийств. Но так или иначе, запал я поджег.

Всю дорогу, пока мы ехали от дома на Тридцать пятой улице, где Вулф безвыездно прожил более двадцати лет (а почти половину этого срока вместе с ним и ваш покорный слуга), до указанного адреса, на Пятьдесят второй, я вел наш седан с предельной осторожностью. И только один-единственный раз не удержался. На Пятой авеню около Сорок третьей улицы я высмотрел яму диаметром фута два, – очевидно, какой-то предприимчивый тип именно здесь разыскивал те самые двадцать шесть долларов, которые в незапамятные времена уплатили индейцы за Манхэттен. И я так вывернул автомобиль, что на полной скорости попал в эту рытвину задним колесом. Мельком глянув в зеркало заднего вида, я увидел взбешенное лицо Вулфа.

– Прошу прощения, сэр, все улицы раскопали!

Он ничего не ответил.

То, что поведал мне накануне Ллевелин Фрост о помещении фирмы «Бойден Макнейр инкорпорейтед», подробно записанное в моем блокноте и вечером в понедельник прочитанное Ниро Вулфу, мягко говоря, не давало представления о размахе ее хозяина. Фрост встретил нас в холле и повел к лифту. Первое, что бросилось в глаза, была продавщица, напоминавшая то ли французскую графиню, то ли итальянку из Техаса, которая настойчиво внушала покупательнице, что прелестный, «на каждый день», костюмчик зеленого цвета сшит по эскизу самого мистера Макнейра из ткани ручной выделки и его можно приобрести всего за три сотни. Я подумал о бедном муже покупательницы и, вздрогнув, мысленно произнес: «Чур меня!» А вслух сказал, входя в лифт:

– Веселенькое местечко, доложу я вам.

На втором этаже, где располагались служебные кабинеты и примерочные, царила все та же роскошь, но было поспокойнее: ни продавщиц, ни покупателей – вообще никаких следов торговой деятельности.

По обе стороны длинного просторного коридора, обшитого деревянными панелями и увешанного офортами и эстампами на охотничьи темы, тянулся ряд дверей. Выйдя из лифта, мы сразу же очутились перед входом в большую комнату, устланную темными пушистыми коврами и заставленную обитыми шелком креслами и позолоченными пепельницами на длинных ножках. Я сразу же оценил обстановку и сосредоточил внимание на крошечном канапе, где восседали две юные богини. Одна из них, блондинка с синими глазами, была такой персик, что я едва не зажмурился. Другая, стройненькая шатенка, хотя слегка и уступала ей, однако явно была первой претенденткой на звание «Мисс Пятьдесят вторая улица».

Блондинка кивнула нам, а стройненькая бросила:

– Привет, Лу!

– Привет, Хелен! Еще увидимся, – откликнулся Ллевелин Фрост.

Пока мы шли по коридору, я сказал Вулфу:

– Видели? Надо сюда почаще заглядывать. Что ваши орхидеи по сравнению с этими бутонами!

Он пробормотал в ответ что-то неопределенное.

Фрост постучал в последнюю по правой стороне дверь, открыл ее и пропустил нас вперед. Мы вошли в просторную, хотя и немного узковатую комнату, изысканную ровно настолько, насколько подобает служебному кабинету. Пол устлали пушистые ковры, мебель была из гарнитура «Мечта декоратора», на окнах – желтые шторы из плотного шелка, ниспадающие тяжелыми складками до самого пола. Освещали комнату большие, как бочонки, стеклянные люстры.

– Мистер Ниро Вулф, мистер Гудвин, мистер Макнейр, – представил нас друг другу Фрост.

Из-за стола с резными ножками поднялся мужчина и без всякого воодушевления протянул огромную лапу:

– Добрый день, джентльмены. Садитесь. Лу, еще одно кресло.

Вулф был темнее тучи. Я посмотрел на кресла и понял, что надо действовать немедленно. Ему ничего не стоило повернуться и уйти даже из-за гораздо менее значительного обстоятельства, а мне чертовски не хотелось, чтобы мои усилия вытащить его сюда пошли прахом. Я обошел стол и положил руку на спинку кресла Макнейра. Тот стоял рядом.

– С вашего позволения, сэра, мистер Вулф любит просторные кресла. Простительная причуда, не правда ли? Другие несколько узковаты. Вы не возражаете?

Пока Макнейр хлопал глазами, я выволок кресло из-за стола и подставил его Вулфу. Потом тут же подал владельцу кабинета кресло из «Мечты декоратора» и, приветливо улыбнувшись, уселся рядом с Левелином Фростом.

– Лу, у меня мало времени, – обратился Макнейр к Фросту. – Ты сказал джентльменам, что я могу уделить им только пятнадцать минут?

Фрост посмотрел на Вулфа, потом на Макнейра. Я обратил внимание на руки Фроста, сплетенные на коленях: пальцы были судорожно стиснуты.

– Да, я сказал, что уговорил вас встретиться с ними. Однако не думаю, что пятнадцати минут будет достаточно...

– Должно быть достаточно! У меня масса дел. Сейчас самая горячая пора. – Голос у Макнейра был тонкий, сдавленный, и он беспрестанно ерзал в кресле – может быть, потому, что сроду в нем не сидел. – И вообще, я не вижу пользы в нашем разговоре. Я-то что могу сделать? – Он развел руками и глянул на часы. – Но раз уж обещал пятнадцать минут... Джентльмены, до одиннадцати двадцати я к вашим услугам.

Вулф покачал головой:

– Судя по рассказу мистера Фроста, мне понадобится часа два, а то и больше.

– Это невозможно! – отрезал Макнейр. – Я занят. Осталось четырнадцать минут.

– Фантастика! – Вулф оперся о подлокотники и встал. У Фроста вырвалось какое-то восклицание, но Вулф поднял ладонь и, глядя на Макнейра, размеренно продолжил: – У меня не было никакой причины приезжать сюда, сэр. Я здесь только благодаря безрассудной и забавной затее, придуманной мистером Фростом. Как я понимаю, инспектор Кремер несколько раз беседовал с вами и очень удивлен, что расследование обстоятельств смерти одной из ваших служащих совершенно не продвинулось. Мистер Кремер прекрасно осведомлен о моих профессиональных качествах. Я позвоню ему и попрошу привезти вас и других причастных к делу лиц ко мне. – Он погрозил пальцем. – И не на пятнадцать минут.

Вулф пошел к дверям. Фрост кинулся за ним. Я тоже вскочил.

– Погодите! – воскликнул Макнейр. – Вы меня неправильно поняли! – (Вулф обернулся.) – И вообще, зачем прибегать к угрозам? Вы же отлично знаете, что мистер Кремер не имеет права везти меня куда бы то ни было без моего согласия. Смешно даже говорить.

Конечно, Молли... Господи, неужели я не понимаю, как это все ужасно! Да я что угодно сделаю, чтобы помочь следствию. Но чем я могу быть полезен? Я рассказал Кремеру все, что знаю. Мы с ним раз десять обсудили. Присядьте! – Он вытащил из кармана платок, вытер лицо, хотел сунуть его назад, но потом кинул на стол. – Нет, я не выдержу. Чтобы создать весенние модели, приходится работать по четырнадцать часов в сутки. От такой нагрузки любой загнетса. А тут вдобавок... Вот вас Лу Фрост втянул, а он вообще сбоку припека. – Макнейр хмуро глянул на Фроста. – Да сядьте же вы! На то, что мне известно, хватит и десяти минут. Я сказал Кремеру: «В том-то и загвоздка, что никто ничего не знает. А Лу Фрост и того меньше». – Он раздраженно посмотрел на него. – Как будто я не понимаю, что у тебя одно на уме – увести отсюда Хелен. Нашел удобный повод. – Макнейр перевел взгляд на Вулфа. – Я могу сказать только то, что уже говорил Кремеру, и большего от меня не ждите. Да и с какой стати?

Вулф вернулся и сел в кресло. Фрост хотел что-то сказать, но я предостерегающе покачал головой. Макнейр снова взял платок, провел им по лбу и бросил на стол. Потом заглянул в правый верхний ящик стола, пробормотал: «Куда он подевался, этот чертов аспирин?» – открыл левый ящик и вытащил небольшой пузырек, вытряхнул две таблетки, налил полстакана воды из графина-термоса, кинул таблетки в рот и запил их.

– Две недели голова прямо раскалывается, – пожаловался он Вулфу. – Наверное, тонну аспирина принял – ничего не помогает. Нет, не выдержу я...

В дверь постучали, и на пороге появилась высокая красивая женщина в черном платье с белыми пуговицами в два ряда. Едва заметно она обвела взглядом присутствующих и произнесла театральным голосом:

– Прошу извинить меня, джентльмены. – Потом повернулась к Макнейру. – Модель двенадцать сорок один, платье из кашемира с

каймай из серого оксфордского шелка-саржи – можно его сделать из натуральной шотландки-рогожки двух тонов?

Макнейр нахмурился:

– Что?

– Я говорю: модель двенадцать сорок один...

– Я слышал, что вы сказали. Нет, нельзя. Модели не переделываются, миссис Ламент, вы же знаете.

– Я знаю. Мисс Фрост так пожелала.

Макнейр выпрямился:

– Мисс Фрост? Она здесь?

– Делает заказ, – кивнула женщина. – Я сказала, что вы сейчас заняты. Она еще берет два портсмутских ансамбля.

– Хорошо. – Макнейр вдруг перестал ерзать, и голос его зазвучал увереннее. – Мне нужно ее видеть. Спросите, удобно ли ей подождать, пока я не закончу с джентльменами.

– А платье?

– Да, конечно. Накиньте пятьдесят долларов.

Женщина кивнула, еще раз извинилась и вышла.

Макнейр снова посмотрел на часы, глянул на молодого Фроста и обратился к Вулфу:

– У вас еще есть десять минут.

– Они мне не понадобятся. Вы возбуждены и расстроены, мистер Макнейр.

– Вы хотите закончить разговор?

– Да. У вас, вероятно, слишком напряженный образ жизни.хлопотливое, должно быть, дело – одевать дам. Ужасно хлопотливое. – Вулф пожал плечами. – У меня к вам только два вопроса. Первый касается смерти Молли Лок. Вы ничего не хотите добавить к тому, что рассказали мистеру Кремеру и мистеру Фросту? Какие-нибудь новые подробности, предположения?

– Ничего, – нахмурился Макнейр, в который раз вытирая свой лоб. – Ровным счетом ничего.

– Отлично. Тогда нет смысла отнимать у вас время. Второй вопрос: могу ли я побеседовать в отдельной комнате с вашими служащими? Я их задержу ненадолго. В первую очередь мне хотелось бы встретиться с мисс Хелен Фрост, мисс Тельмой Митчелл и миссис Ламент. Мистера Перрена Жебера сейчас, очевидно, здесь нет?

– Жебера? А почему он должен быть здесь? – резко спросил Макнейр.

– Не знаю. Я просто спрашиваю. – Плечи моего шефа приподнялись на полдюйма и опустились. – Насколько мне известно, он находился здесь в тот день, когда была отравлена мисс Лок. Это произошло восемь дней назад. У вас тогда был показ. Так это называется?

– Да, или, если угодно, демонстрация мод. Вот Жебер и приехал. Вообще, куча народу собралась. А с девушками и миссис Ламент вы можете побеседовать в моем кабинете, только не очень долго. Мне все равно надо в главный зал.

– Я бы предпочел что-нибудь менее... в общем, более скромное помещение. Если вы, конечно, не возражаете.

– Как вам будет угодно. – Макнейр поднялся. – Лу, проводи джентльменов в какую-нибудь примерочную. Хотите, я пришлю миссис Ламент?

– Лучше начать с мисс Фрост и мисс Митчелл. Пусть придут вместе.

– Вам придется прерваться, если они понадобятся.

– Ничего, я подожду.

– Ладно. Ты позовешь их, Лу?

Макнейр схватил платок со стола, сунул в карман и поспешил к дверям.

– Не понимаю, почему вы не... – недовольно начал Ллевелин Фрост, поднимаясь.

– Мистер Фрост, – прервал его Вулф, – всякому терпению есть предел. Я вижу, что мистер Макнейр нездоров, но это не повод для

церемоний. Не забудьте, именно вы устроили это нелепое путешествие. Где тут примерочная?

– Да, но я плачу за это путешествие.

– Недостаточно платите. У вас никаких денег не хватит, чтобы возместить понесенные мной издержки. Пойдемте, сэр!

Фрост повел нас коридором обратно и открыл последнюю дверь слева. Войдя, он включил свет, сказал, что сейчас вернется, и исчез. Я осмотрелся: небольшая, обшитая деревом комната, стол, пепельница на ножке, несколько зеркал до пола и три хрупких стульчика с шелковой обивкой. Вулф тоже разглядывал обстановку, и губы его кривились.

– Отвратительно, – наконец выдавил он. – Я не... Ни за что не...

– Сам знаю, что вы «не», – ухмыльнулся я. – Сейчас.

Я вернулся в кабинет Макнейра, взвалил на плечи его кресло и потащился в примерочную. Туда уже входили Фрост и две юные богини. Фрост отправился еще за одним стулом, а я скинул свою добычу у стола и сказал Вулфу, что, если ему так понравилось это кресло, я могу утащить его домой. Пришел Фрост со стулом, и я попросил:

– Нельзя ли принести три бутылки холодного светлого пива, открывалку и стакан? Иначе он загнетса.

Фрост в удивлении приподнял брови:

– Вы с ума сошли!

– Сошел – когда подал вам идею насчет письма от цветоводов. Давайте быстро!

Он ушел, а я уселся между персиком и тростинкой. Вулф, сморщив нос, принюхивался:

– У вас во всех примерочных так пахнет?

– Во всех, – ответила с улыбкой блондинка. – Но мы сами не душимся.

– Точно, этой гадостью тут и до вас пахло. Фу! И как вы можете в такой атмосфере работать?! Вы обе – манекенщицы?

– По крайней мере, нас так называют. Я Тельма Митчелл. –
Блондинка заученным грациозным жестом показала на подругу. – А
это Хелен Фрост.

Вулф кивнул и обратился к тростинке:

– Зачем вы здесь работаете, мисс Фрост? У вас ведь есть средства.

Хелен Фрост подняла на него спокойный взгляд и произнесла
ровным тоном:

– Кузен сказал, что вы хотели поговорить с нами насчет... насчет
Молли Лок.

– Хотел. – Вулф осторожно откинулся на спинку кресла, как бы
проверяя его прочность. Не услышав скрипа, он уселся поудобнее. –
Мисс Фрост, я сыщик. Вы можете обвинить меня в некомпетентности
или даже глупости, но только не в желании лезть в чужие дела. Мои
вопросы могут показаться вам дурацкими, не относящимися к делу;
для меня же они необыкновенно важны. Такова уж специфика
нашего ремесла. Для начала мне хотелось бы познакомиться с вами.

Девушка продолжала спокойно смотреть на Вулфа.

– Я пришла сюда, чтобы сделать одолжение моему кузену. Он не
просил меня с кем-либо знакомиться, а только ответить на вопросы
о позапрошлом понедельник.

– Сделать одолжение кузену? – резко переспросил Вулф,
подавшись вперед. – Разве несчастная Молли Лок не была вашей
подругой? Разве она не умерла на ваших глазах? Вы что, не хотите
помочь мне разобраться в причинах ее смерти?

Резкость Вулфа не произвела на девицу заметного впечатления.
Она хладнокровно ответила:

– Нет, почему же. Конечно хочу. Но я уже говорила полиции... Я не
понимаю, зачем Лу... Не понимаю, почему вы... – Она спохватилась и
вскинула голову. – Я же сказала, что готова ответить на ваши
вопросы. Это так ужасно!

– Согласен. – Вулф резко повернулся к блондинке. – Мисс
Митчелл, насколько мне известно, в позапрошлый понедельник, в
двадцать минут пятого пополудни, вы вместе с мисс Фрост

спустились на лифте и вышли из него на этом этаже – правильно? – (Блондинка кивнула.) – На этаже никого не было – вернее, вы никого не видели, так? Потом вы прошли к пятой двери по левой стороне коридора, если считать от кабинета мистера Макнейра, и вошли в комнату, которая служит помещением для отдыха четырех манекенщиц. Там была Молли Лок. Верно? – (Девушка снова кивнула.) – Расскажите, что произошло потом?

– Ну, – блондинка глубоко вдохнула, – мы начали разговаривать о показе и о клиентах. Так, ничего особенного. Минуты через три Молли вдруг говорит: «Совсем забыла». И достает из-под пальто коробку...

– Простите, что именно она сказала?

– Сказала, что раздобыла кое-что.

– Нет-нет, постарайтесь точно припомнить ее слова.

– Если смогу... – Блондинка не сводила глаз с Вулфа. – Она сказала... дайте подумать... Наверное, вот что: «Ой, девочки, совсем забыла, у меня что-то есть! Вот, смотрите, стянула!» И, значит, достает из-под своего пальто коробку.

– Где было ее пальто?

– Лежало на столе.

– Где были в этот момент вы?

– Я? Рядом стояла. А она присела на стол.

– Где находилась мисс Фрост?

– Она перед зеркалом прическу поправляла. Хелен, ты ведь у зеркала была, да?

Тростинка молча кивнула.

– Что произошло потом? – спросил Вулф. – И поточнее, пожалуйста.

– Ну, подает она мне эту коробку, я открываю и говорю...

– Вы не заметили, коробку до вас уже открывали?

– Не знаю. Она была без обертки, ни ленточки, ничего. Я, значит, открываю коробку и говорю: «Вот это да! Тут конфет целых два

фунта. Где ты их взяла, Молли?» А она: «Говорю вам, стянула! Интересно, вкусные?» И Хелен предлагает...

– Дословно, пожалуйста, дословно.

Мисс Митчелл сдвинула бровки:

– Дословно я не помню. «Попробуй, Хелен» или «Угощайся, Хелен»... Что-то вроде этого. Но не важно. Она ведь все равно не взяла.

– Что ответила мисс Фрост?

– Не помню. Хелен, ты что ответила?

– И я не помню, – сказала та без запинки. – Я перед этим коктейль выпила, мне ничего не хотелось.

– Ну да, – кивнула блондинка. – Потом Молли взяла конфету и я взяла...

– Точнее, точнее, – попросил Вулф. – У вас в руках была коробка?

– Ну да, Молли передала ее мне.

– Значит, мисс Фрост не прикасалась к коробке?

– Нет, я же говорю вам, она не хотела. Даже не посмотрела на нее.

– Итак, вы и мисс Лок взяли по конфете.

– Да, я выбрала ананас в сахаре. В коробке было ассорти: шоколад, конфеты с орехами, засахаренные фрукты, помадки... Я откусила кусочек. А Молли всю в рот положила и говорит... ну, в общем, что привкус необычный...

– Дословно, пожалуйста.

– Она сказала... дайте подумать... Кажется, так: «Ух ты, какая начинка крепкая, наверное, градусов сто. А так ничего, приятно». Лицо у нее вдруг сморщилось, как от кислого, но она стала жевать и проглотила. Потом, понимаете... Вы даже не поверите, как быстро все произошло.

– Попробую поверить.

– За полминуты, может быть, даже меньше. Я уже другую конфету жевала, а Молли посмотрела в коробку и сказала, что странный привкус вроде пропал...

Распахнувшаяся дверь прервала ее рассказ. Вошел Левелин Фрост с бумажным пакетом. Я встал, взял эту сумку и, вынув из нее пиво, поставил перед Вулфом. Он придвинул стакан, взял открывалку и потрогал бутылку...

– «Шрайнер»? Мм... чересчур холодное.

– Зато пены много, – сказал я. – Попробуйте.

Вулф наливал себе пива, а Хелен Фрост тем временем говорила двоюродному брату:

– Ты, оказывается, вот за чем ходил. Твой сыщик хочет знать, что я делала и говорила. Спросил Тельму, не брала ли я в руки коробку с конфетами.

Фрост погладил ее по плечу:

– Ладно-ладно, Хелен. Чего ты волнуешься? Мистер Вулф знает, что делает.

Одна бутылка была уже пуста. Фрост сел рядом. Вулф вытер рот.

– Итак, мисс Митчелл, вы говорите, что мисс Лок сказала, будто привкус пропал.

– Да, – кивнула блондинка. – Потом она вдруг выпрямилась и... и издала какой-то звук. Нет, она не закричала, но звук был ужасный. Она соскочила со стола и тут же оперлась о него... Лицо ее начало дергаться, опять сморщилось – страшно было смотреть... Глаза такие большие сделались. Она смотрит на меня, рот раскрывает, а сказать ничего не может. Потом задрожала, уцепилась за мои волосы и...

– Продолжайте, мисс Митчелл.

Блондинка судорожно сглотнула:

– Ну, Молли упала, и я вместе с ней, потому что она меня не отпускала. Я, конечно, напугалась до смерти, стала вырываться. Когда доктор... ну, когда люди прибежали, у нее еще клочок моих волос был в кулаке...

– У вас хорошая выдержка, мисс Митчелл.

– Да, я не из слабонервных. Это уже потом, дома, я весь вечер редела, а в тот момент – ничего. Хелен у зеркала стояла, боясь пальцем пошевелинуть, – только дрожала и глазами от страха

хлопала. Да она вам сама расскажет. А я к лифту кинулась – позвать на помощь. Потом обратно, в комнату, коробку закрыла – и подмышку. Когда мистер Макнейр пришел, ему отдала. На бедняжку Молли еще раз глянула, сразу сообразила – отравилась. Насмерть. – Девушка снова судорожно сглотнула. – Может, хоть вы объясните толком? Доктор сказал, что это кислота какая-то, а в газетах пишут, что цианистый калий.

– Синильная кислота, – вмешался в разговор Лу Фрост. – Полиция говорит, что разница невелика. Я же тебе объяснял.

Вулф погрозил пальцем:

– Мистер Фрост, я отрабатываю свой гонорар. Ваше дело – платить... Итак, мисс Митчелл, вы съели две конфеты, а Молли Лок только одну.

– Ну да. – Блондинка передернулась. – Подумать только, так сразу и отравилась. Просто ужасно! Она даже сказать ничего не успела. Ее прямо затрясло, словно яд по всему телу разлился. Как только мистер Макнейр пришел, я ему тут же коробку отдала.

– Потом вы, кажется, убежали?

– В туалет, – кивнула она и состроила гримаску. – Сделала так, чтобы меня вырвало. Я ведь две конфеты съела.

– Правильно сделали. Самое верное средство. – Вулф откупорил другую бутылку и вылил ее содержимое в стакан. – Давайте вернемся немного назад. До того как Молли Лок вытащила коробку конфет из-под пальто, вы эту коробку видели?

– Нет.

– Как вы думаете, что она имела в виду, когда сказала, что стянула ее?

– Наверное, где-то увидела и взяла потихоньку.

– Мисс Фрост, – повернулся Вулф к другой девушке, – а как по-вашему?

– Что? Стянула – значит украла.

– И часто она воровала?

– Конечно нет. Подумаешь, взяла коробку конфет. Просто пошутила. Она вообще любила всякие шутки.

В пять глотков Вулф осушил стакан и вытер губы.

– Мисс Митчелл, в тот день вы пошли на ланч вместе с мисс Лок. Расскажите об этом поподробнее.

– Мм... Мы с Молли пошли поесть около часа дня. Проголодались страшно – показ ведь начался в одиннадцать утра. У нас было всего двадцать минут, Хелен попросила сменить ее и приглашенных девушек. Поэтому мы и решили пойти перекусить в аптеку за углом. Вообще-то, показ должен был в два закончиться, но народ валом валил. Съели по сэндвичу, десерт, и сразу же назад.

– Вы не заметили, может, мисс Лок украла коробку в аптеке?

– Ничего подобного! Она этого ни за что бы не сделала.

– Тогда, может быть, вы сами принесли коробку оттуда?

Глаза у блондинки округлились от негодования.

– Ну что вы такое говорите! Ничего я не приносила!

– Вы уверены, что мисс Лок не прихватила конфеты где-нибудь по пути?

– Уверена. Мы с ней все время были вместе.

– Потом, после того как вы вернулись, она никуда не выходила?

– Нет, мы с ней до конца вместе работали, до полчетвертого, потом она сразу пошла в комнату для отдыха. Немного погодя мы с Хелен тоже поднялись туда, и она была там.

– И она съела конфету и отравилась насмерть, а вы съели две – и живы-здоровы. – Вулф вздохнул. – Есть, конечно, вероятность, что она принесла коробку утром.

Блондинка помотала головой:

– Я тоже сначала так подумала. Мы все обсуждали это. Но у нее утром не было с собой ничего. Да и где могла лежать эта коробочка? В комнате отдыха она не лежала, а больше – нигде...

– В том-то и беда, – кивнул Вулф, – что вы словно по написанному говорите. Вместо того чтобы поделиться своими собственными впечатлениями, просто повторяете чьи-то толки и догадки. Не

обижайтесь, это получается помимо вашей воли. Было бы лучше, если бы я сам находился здесь в позапрошлый понедельник... А еще лучше мне бы вообще не приезжать сюда.

Вулф, хмурясь, посмотрел на Ллевелина Фроста, потом вспомнил о пиве, наполнил стакан, выпил и, оглядев по очереди обеих девушек, продолжил:

– Вы, конечно, понимаете, в чем тут дело. На показе мод присутствовало свыше ста человек, в основном женщины, но пришли и несколько мужчин. День выдался прохладный, все были в пальто. Кто из них принес коробку конфет, неизвестно. Полиция допросила практически всех присутствующих, в том числе и тех, кто связан с фирмой. Никто не видел этой коробки и не имеет представления, откуда она взялась. Я предупреждал вас, сэр, – Вулф погрозил Фросту, – это не моя область. Я способен решать логические задачи любой степени сложности, но искать иголку в стоге сена – такое, знаете ли, и мне не под силу. Кто принес отравленные конфеты? Для кого они предназначались? На эти и подобные им вопросы может ответить только Бог, однако я пока не собираюсь навещать его – независимо от того, сколько легковых цветоводов будут подписывать идиотские обращения. Сомневаюсь, что мне стоит даже пытаться заработать вторую часть обещанного гонорара, поскольку ваша кузина – ваша ортокузина – отказывается знакомиться со мной. Что же касается первой части, то за расследование обстоятельств смерти мисс Лок я мог бы взяться, только опросив всех, кто был в этом здании в позапрошлый понедельник. Однако сомневаюсь, что вам удастся уговорить их посетить мой кабинет.

– Но вы же согласились, – недовольно возразил Лу Фрост. – Если же вам это не под силу...

– Чепуха! – прервал его Вулф, откупоривая третью бутылку пива. – Конструктор мостов сам землю не копает. Я, кажется, забыл поблагодарить вас за пиво? Исправляю свою оплошность. Уверяю вас, сэр, мне под силу решить эту задачу – была бы возможность

приложить силы. Пока же, увы! Возьмите мисс Митчелл. Думаете, она вполне искренна? Может быть, именно она отравила Молли Лок? – Он обернулся к блондинке и резко спросил: – Мисс Митчелл, вы много конфет едите?

– Хотите меня запугать?

– Даже и не думал – при ваших-то нервах? Ну так что – много конфет вы едите?

Блондинка слегка пожала плечами:

– Иногда, и не так чтобы много. Я же манекенщица, должна следить за фигурой.

– Какие конфеты вы любите?

– Засахаренные фрукты. И с ореховой начинкой.

– Вы открывали ту коробку. Какого цвета была крышка?

– Коричневая, золотисто-коричневая.

– Что было написано на крышке?

– Кажется, «набор». Какой-то набор.

– Значит, вы не помните, как эти конфеты назывались?

Блондинка слегка нахмурилась:

– Нет, точно не помню. Странно, я, наверное...

– Вот именно! Вы увидели коробку, сняли крышку, потом закрыли, держали ее в руках. Зная, что там отравленные конфеты, вы даже не любопытствовали...

– Послушайте, не ловите меня на слове. На полу мертвая Молли, в комнату народу набилось тьма, я ждала мистера Макнейра, чтобы отдать ему эту проклятую коробку. Как я могла в такой момент что-то разглядывать? – Она снова сдвинула брови. – И все же действительно странно, что я не обратила внимания на надпись.

Вулф кивнул и круто повернулся к Лу Фросту:

– Вот видите, сэр, что получается. Какой вывод можно сделать из рассказа мисс Митчелл? Правдоподобно или нет ее заявление, что она не заметила, как называются конфеты? Я пока просто показываю нелогичность ее поведения. То же самое и с вашей

кузиной. – Он перевел на нее взгляд и выпалил: – Мисс Фрост, а вы любите конфеты?

– Зачем все это, Лу?

Фрост вспыхнул, хотел было что-то сказать, но Вулф опередил его:

– Мисс Митчелл хоть не молчала. Правда, у нее крепкие нервы.

Тростинка спокойно смотрела на Вулфа:

– Не волнуйтесь, с нервами у меня тоже все в порядке. Просто эти дешевые... А-а, ладно! Да, я люблю конфеты. Предпочитаю карамель. Поскольку тоже работаю манекенщицей и тоже должна следить за фигурой.

– С шоколадной начинкой или с ореховой?

– Со всякой.

– И часто вы их едите?

– Ну, может быть, раз в неделю.

– Сами конфеты покупаете?

– Нет, кузен присылает мне коробки карамели «Карлатти». И даже слишком часто – приходится всех угощать.

– Значит, вы любите карамель «Карлатти»?

– Очень, – кивнула тростинка.

– И вам трудно бывает отказаться от карамельки?

– Да, иногда трудно.

– В тот понедельник у вас было много работы. Вы устали, проголодались, наспех позавтракали... Я правильно излагаю?

– Правильно. – Она едва сдерживала раздражение.

– Почему же в таком случае вы отказались, когда мисс Лок предложила вам карамель?

– Она не предлагала мне карамель. Карамели там вообще не... – Она осеклась, искоса глянула на двоюродного брата и снова уставилась на Вулфа. – То есть я думала...

– Думали? – Тут голос Вулфа стал мягче, даже сделался вкрадчивым. – Мисс Митчелл утверждает, что не помнит надписи на коробке. А вы помните, мисс Фрост?

– Нет, откуда мне помнить.

– Мисс Митчелл говорит, что вы не притрагивались к коробке. Стояли у зеркала, поправляли волосы и даже не взглянули на конфеты. Это верно?

– Да, верно, – ответила она, не отводя глаз.

– Мисс Митчелл также сказала, что закрыла коробку и держала ее под мышкой, пока не пришел мистер Макнейр. Так?

– Не знаю. Я... я не обратила внимания.

– Не обратили внимания? Что ж, это вполне естественно при данных обстоятельствах. Потом коробку отдали мистеру Макнейру, а тот передал ее в полицию. Вы не видели ее в этом промежутке времени? Иными словами, у вас не было случая ознакомиться с ее содержимым?

– В глаза ее не видела.

– Очень хорошо! Еще один вопрос, мисс Фрост. Вы совершенно уверены, что не знаете, какая надпись была на крышке и какие конфеты были в коробке?

– Понятия не имею.

Он откинулся на спинку кресла и вздохнул. Потом налил пива и дождался, пока не осядет пена. Мы молча смотрели, как он выпил стакан, вытер губы. Поставив стакан на стол, Вулф словно бы нехотя поднял глаза.

– Вот видите, мистер Фрост, – сказал он ровным голосом, – даже такой короткий опрос уже кое-что прояснил. Ваша кухня свидетельствует, что в глаза не видела содержимого злосчастной коробки, украденной мисс Лок, и не знает, какие там были конфеты. И тем не менее она определенно утверждает, что карамели в коробке не было. Следовательно, она видела содержимое коробки до того, как мисс Лок стянула ее. Подчеркиваю – до того. Это дедукция, сэр. Когда я говорил о необходимости опроса всех, кто был в этом здании в позапрошлый понедельник, я имел в виду именно дедуктивный метод.

– И вы называете это?.. – выпалил, тараща на Вулфа глаза, Лу Фрост. – Вы как это назвали?

– Это называется дедукция, сэр.

Тростинка сидела бледная, не сводя глаз с Вулфа. Раза два она пыталась что-то сказать, но, видимо, передумала. Вмешалась Тельма Митчелл:

– Она не утверждает, что в коробке не было карамели. Она только сказала...

Вулф выставил ладонь:

– Хотите проявить благородство по отношению к подруге, мисс Митчелл? Постыдились бы! Первейший долг благородного человека – уважение к памяти мертвых. Молли Лок умерла, поэтому мистеру Фросту и удалось затащить меня сюда. Он платит мне деньги, чтобы выяснить, как это случилось и почему, так, сэр?

– Я плачу вам деньги не за то, чтобы вы устраивали дурацкие розыгрыши двум слабонервным девицам! – разгорячился Фрост. – Послушайте, вы, недоумок жирный! Я уже столько узнал об этом деле, что вам за целый век не выяснить. Если вы думаете, что я плачу вам... Пойдите, вы куда? Что еще вы придумали? А ну садитесь обратно, я вам говорю!..

Вулф не спеша поднялся и, обойдя Тельму Митчелл, вышел из-за стола. Фрост вскочил и хотел было толкнуть его, но в ту же секунду я кинулся наперерез.

– Уберите-ка руки, мистер! – Мне стоило бы тут же двинуть ему, но тогда бы он свалился на даму. – Спокойно, прошу вас. И в сторонку, будьте любезны.

Фрост с ненавистью посмотрел на меня, однако подчинился.

Вулф невозмутимо направился к выходу. В этот момент в дверь постучали, и вошла та самая красивая женщина в черном платье с белыми пуговицами.

– Прошу прощения. – Подтянутая и собранная, она обвела всех взглядом и обратилась почему-то ко мне: – Не могли бы вы отпустить мисс Фрост? Ее зовут в демонстрационный зал. Кроме того, мистер Макнейр сказал, что вы хотите поговорить со мной. У меня как раз есть несколько свободных минут.

Я посмотрел на Вулфа. Он поклонился, опустив голову дюйма на два.

– Благодарю вас, миссис Ламент, сейчас в этом нет необходимости. Мы отлично поработали и сделали гораздо больше, чем можно было ожидать. Арчи, ты заплатил за пиво? Отдай мистеру Фросту доллар. Надеюсь, эта сумма покрывает его расходы.

Я достал бумажник, вытянул долларовую бумажку и положил ее на стол. Незаметно оглядев присутствующих, я отметил, что Хелен Фрост бледна как полотно, Тельма Митчелл – вся внимание, а Ллевелин готов растерзать нас на месте. Вулф успел скрыться за дверью. Я двинулся за ним и нагнал его у лифта – он уже нажимал кнопку.

– Четвертак за бутылку – больше это пиво не стоит. Значит, за три бутылки семьдесят пять центов, – заявил я.

– Прибавь разницу к счету.

Внизу мы направились прямо к выходу. Макнейр стоял в стороне и разговаривал с темноволосой дамой средней упитанности с прямой спиной и властным ртом. Я догадался, что эта дама – мамаша Хелен Фрост, и обернулся, чтобы получше разглядеть ее. Очередная юная богиня прохаживалась в нарядной бежевой шубке перед расфуфыренной дамочкой с собачкой. Вокруг болталось еще пять или шесть особ женского пола. Когда мы подгребли к выходу, с улицы вошел рослый широкоплечий тип со шрамом на щеке. Я сразу узнал этот шрам и кивнул:

– Привет, Пэрли!

Он остановился как вкопанный и, вытаращив глаза, уставился на Вулфа:

– Господи! Ты что, своим шефом из пушки выстрелил?

Я ухмыльнулся и, не отвечая, прошел мимо.

По пути домой я попробовал разрядить обстановку легкой болтовней, но безуспешно.

– Эти манекенщицы – ничего цыпочки, правда?

Первая попытка не удалась. Я сделал вторую.

– Вы узнали этого мистера, с которым мы столкнулись в дверях? Наш старый друг Пэрли Стеббинс из отдела по расследованию убийств. Один из подручных Кремера.

Опять мимо. Я начал искать глазами хорошую выбоину.

Глава 3

Первый звонок от Ллевелина Фроста был в половине второго, когда Вулф и я разделялись с совершенно необыкновенными колбасками, которые каждой весной присылает ему некий швейцарец из Чаппакуа. Швейцарец сам делает колбаски из собственноручно выращенных поросят, а Фриц Бреннер, шеф-повар и гордость нашего дома, подает их с десятком всевозможных приправ. Так вот, когда раздался этот звонок, Фрицу было велено сказать, что мистер Вулф за столом и просит не беспокоить. Я хотел поговорить с Фростом сам, но Вулф жестом пригвоздил меня к стулу. Второй звонок последовал вскоре после двух часов, когда Вулф не спеша пил кофе, и я пошел в кабинет, чтобы там взять трубку.

Голос у Фроста был озабоченный и нервный. Он хотел знать, может ли он надеяться застать шефа дома в половине третьего. Я ответил, что да, очевидно, мистер Вулф будет дома и ныне, и присно, и во веки веков. Повесив трубку, я присел к своему столу разобрать кое-какие бумаги, а через несколько минут вошел Вулф – в прекрасном расположении духа, готовый, однако, противостоять любым попыткам нарушить его покой. Таким он бывал всегда после хорошей еды.

Блаженно отдуваясь, он опустился за свой стол и оглядел стены – книжные полки, географические карты, рисунки Гольбейна, снова полки, портрет Брийя-Саварена...^[2] Потом выдвинул средний ящик стола и начал выкладывать из него пробки от пивных бутылок.

– Эстрагона хорошо бы поменьше, а вот кервеля можно побольше, – задумчиво произнес он. – Надо будет сказать Фрицу, чтобы попробовал.

– Угу, – согласился я, не желая ввязываться в спор. Он прекрасно знал, что я обожаю эстрагон. – Если хотите сосчитать эти железки, пора начинать. Наш клиент уже в пути.

– Вот как? – отозвался он и стал раскладывать пробки кучками по пять штук в каждой. – Фантастика! На четыре бутылки за неделю перебрал. Не считая тех.

– Ну, это нормально. Пока не появился наш гость, просветите меня, чего вы взъелись на эту девицу Фрост?

Плечи у Вулфа приподнялись на каких-нибудь четверть дюйма и опустились снова.

– От бессильной ярости. Как у загнанной в угол визжащей крысы. Меня тоже загнали в эту жуткую надушенную дыру, обманом втянули в дело, в котором не за что зацепиться. Вернее, чересчур много зацепок. Кроме того, не выношу расследовать убийства по ошибке. Не знаю, кто подложил яд в конфеты, но он тупица и осел. Вот я и взъелся. – Он хмуро смотрел на кучки пробок. – Двадцать пять, тридцать, тридцать три... Только подумай, какая это будет злая шутка, если мы заработаем вторую часть гонорара, переведя мисс Фрост из солидного дома моделей в тюрьму. Впрочем, не думаю, что есть такая вероятность... Арчи, я тебе не надоел своей болтовней?

– Нет, после еды – в самый раз. Валяйте дальше. Лично я думаю, ни один суд присяжных не признает ее виновной.

– Мне тоже так кажется. Ведь даже судьям должно быть дозволено восхищаться женской красотой. Если мисс Фрост и попадет в какую переделку, то совершенно иного рода. Ты обратил внимание на ее кольцо с большим бриллиантом? И на пудренице такой же.

– Ну и что? – откликнулся я. – Может, она помолвлена.

– Не думаю. Бриллианты слишком бросаются в глаза, потому что не идут ей. У меня чутье на такие вещи. Ее облик, манеры, удивительная сдержанность – даже при таких чрезвычайных обстоятельствах... Нет, не в ее характере носить бриллианты. Далее. Неприкрытая враждебность мистера Макнейра к мистеру Ллевелину Фросту. Весьма странное поведение, даже если он действительно терпеть его не может. Более понятно, почему мистеру Фросту знакомо слово «ортокузина», термин сугубо антропологический, хотя

и здесь достаточно простора для догадок и размышлений... Ортокузенами называют детей двоих братьев или двух сестер, тогда как кросскузены – это дети брата и сестры. В некоторых племенах кросскузены могут вступать в брак, а ортокузены – нет. Мистер Фрост, очевидно, как следует изучил данную проблему. Мм... Не исключено, что все эти факты не имеют никакого отношения к смерти Молли Лок, и тем не менее их необходимо взять на заметку. Надеюсь, я не очень тебя утомил, Арчи? Ну, ничего, ты же знаешь, я не часто так много говорю. Помнишь, однажды вечером я пять часов кряду просидел в этом самом кресле, распутывая дело Пола Чапина, его жены и членов фантастической Лиги искупления^[3]. А вообще-то, я разговариваю, чтобы не слышать, как ты шелестишь своими бумагами. Сейчас мне что-то не хочется раздражаться. Ах, какие были колбаски!.. Однако звонят. Наш клиент. Хм, все еще наш клиент, хотя он, может, и не подозревает об этом.

В холле послышались шаги – сначала в сторону входной двери, потом от нее к нам. Дверь в кабинет отворилась, и на пороге появился Фриц. Он объявил, что прибыл мистер Фрост. Вулф кивнул и попросил принести пива. Фриц удалился.

Бодрой походкой вошел Ллевелин Фрост. Но только походка у него и была бодрой, взгляд блуждал, выдавая смертельный испуг. Фрост подскочил к столу, за которым восседал Вулф, и затараторил так, будто опаздывал по меньшей мере на десяток деловых свиданий:

– Мистер Вулф, я мог бы все изложить по телефону, но предпочитаю вести переговоры при личной встрече, особенно в таких сложных ситуациях. Прежде всего, я должен принести вам свои извинения. Я действительно погорячился, потерял, так сказать, управление, короче говоря, дураком себя выставил. – Он протянул Вулфу руку, тот посмотрел на нее и, не шелохнувшись, поднял взгляд на гостя. Фрост вспыхнул, отдернул руку и продолжил: – Не сердитесь, пожалуйста. Поймите, ваш допрос ничего не дал. Хелен... моя кузина страшно переволновалась. Я потом беседовал с ней.

Ведь то, что она сказала, ничего не значит. Тем не менее она ужасно переживает... и все время переживала. Я согласен с ней, что мне незачем было вступать в ваш разговор. Может, мне вообще незачем было все это затевать? Но я полагал, что... впрочем, это не важно. Я очень благодарен вам за то, что вы сделали, и спасибо, что вы приехали. Давайте считать, что инцидент исчерпан, и если вы назовете сумму, которую я вам должен...

Он умолк и, довольно улыбаясь, смотрел то на Вулфа, то на меня, словно галантерейщик, старающийся сбыть залежалый товар, да еще по завышенной цене.

Вулф скептически наблюдал за ним.

– Присядьте, мистер Фрост.

– Что ж... на секундочку, чтобы выписать чек. – Он попятился, сел в кресло и достал из одного кармана чековую книжку, а из другого – автоматическую ручку. – Сколько?

– Десять тысяч долларов.

Он весь встрепенулся:

– Сколько-сколько?

– Десять тысяч долларов, – кивнув, повторил Вулф. – Примерно такова стоимость оказанных мною услуг. Половина, как мы договаривались, – за расследование обстоятельств смерти Молли Лок, другая – за вызволение вашей кухни из этой... по вашим словам, чертовой дыры.

– Но вы же ничего не сделали, дорогой мой! Вы что, с ума сошли?! – Глаза Фроста угрожающе прищурились. – Хотите ободрать меня как липку?

– Десять тысяч! – отрезал Вулф. – Более того, вы не выйдете отсюда, пока банк не подтвердит вашу кредитоспособность.

– Да вы совсем спятили! – заорал Фрост. – Нет у меня десяти тысяч. Спектакль дает неплохие сборы, но я еще не расплатился с долгами. Да если бы я и имел такую сумму – с какой стати?! Это шантаж, я... я...

– Успокойтесь, мистер Фрост. Вы позволите мне сказать?!

Ллевелин оторопело глянул на Вулфа. Тот уселся поудобнее и начал:

– Дорогой сэръ, мне не нравятся ваши дурные привычки. Например, вы считаете, что слова – это что-то вроде кусков кирпича, которыми можно швыряться как попало. От такой привычки надо избавляться. Другая – ваше ребяческое безрассудство, готовность кинуться в любое предприятие, не задумываясь о последствиях. Вам следовало бы тщательно взвесить все «за» и «против», прежде чем приглашать меня. Однако же вы, ничего не взвесив, наняли меня и, доложу я вам, окончательно сожгли за собою мосты, когда уговорили меня совершить фантастическую вылазку на Пятьдесят вторую улицу. За такие вещи надо платить. Мы с вами связаны договоренностью: я обязан провести расследование, а вы обязаны заплатить соответствующую сумму. Затем по неким личным причинам и в силу привходящих обстоятельств условия договоренности перестают вас удовлетворять. И вот, вместо того чтобы прибегнуть к принятой в таких случаях процедуре, вы являетесь в мой кабинет и хотите убрать меня из дела, используя неподобающие выражения вроде «шантаж» и прочее. Стыдитесь! Вы ведете себя как капризный, испорченный ребенок.

Вулф налил себе пива и выпил. Ллевелин Фрост молчал, уставившись на него. Я быстро занес в записную книжку тезисы монолога и одобрительно кивнул шефу, отдавая дань его красноречию.

– Но позвольте, мистер Вулф, – наконец заговорил обескураженный клиент. – Мы не договаривались, что вы поедете туда... то есть я хочу сказать, что я не предполагал, что придется поехать... – Он помолчал, подыскивая доводы. – Я не ставлю под сомнение договоренность. У меня и в мыслях не было ничего такого. Я просто спросил, можем ли мы считать, что инцидент исчерпан, и сколько я вам должен?

– Я вам ответил: десять тысяч.

– Но у меня нет такой суммы, во всяком случае, сейчас. Может быть, мне удалось бы собрать ее, ну, скажем, за неделю. Но даже если соберу... Господи, за два часа работы...

– Вы платите не за работу. Я не допущу, чтобы из-за ваших прихотей страдала моя репутация. Да, я продаю свои способности, но не следует принимать меня за мелкого торговца или какого-нибудь фокусника. Я художник. Представьте, вы заказываете Матиссу картину. Он принимается за работу, набрасывает эскиз, делает первые мазки, и тут вы сдираете с подрамника холст и заявляете: «Хватит! Сколько с меня?» Вы можете сказать, что сравнение неудачное. Но каждый художник честолюбив, и у меня есть честолюбие. А в вашем воспитании я вижу серьезные пробелы. Вы даже не понимаете, как возмутительно ведете себя.

– Господи! – Фрост выпрямился, посмотрел в мою сторону, словно ища поддержки, потом снова перевел взгляд на Вулфа. – Ладно, согласен: вы художник. Но я уже сказал, у меня сейчас нет десяти тысяч. Что, если я проставлю на чеке не сегодняшнее число, а другую дату, например на неделю вперед?

Вулф мотнул головой:

– Вы можете распорядиться об отсрочке платежа. Но у меня нет оснований вам доверять. Вы ожесточены, чего-то боитесь. Кроме того, за такие деньги клиенты вправе ожидать больших результатов, и я еще должен потрудиться, чтобы заработать их. Единственно разумный путь...

Его прервал телефонный звонок. Я повернулся к своему столу и снял трубку. Недовольный мужской голос спросил, кто говорит. Я назвал себя и через полминуты услышал другой голос с очень знакомыми интонациями. Слова моего собеседника на том конце провода вызвали у меня улыбку, и я сказал Вулфу:

– Это инспектор Кремер. Говорит, что один из его людей увидел вас у Макнейра и чуть не отдал Богу душу от удивления. Сам он тоже чуть не помер, когда узнал об этом. Говорит, ему доставило бы удовольствие коротко обсудить по телефону убийство Молли Лок.

– Ему, может, и доставило бы, а мне – нет. Скажи, что я занят.

Мне пришлось продолжить разговор с Кремером. Он был настроен очень даже дружелюбно – как человек, у которого закончился бензин в безлюдном месте, и вдруг мимо проезжает автомобиль.

– Он мог бы сам заскочить часиков в шесть, – продолжал я передавать шефу сказанное, – выкурить сигару и сопоставить наблюдения. Говорит, дело неотложное.

Вулф кивнул, и я сказал Кремеру, чтобы он приезжал.

Ллевелин Фрост встал и, тараща глаза то на Вулфа, то на меня, спросил без прежней напористости:

– Это инспектор Кремер? Он что, придет к вам?

– Угу, попозже, – отвечал я, потому что Вулф уже откинулся в кресле и закрыл глаза. – Он частенько заглядывает на огонек. Особенно если у него на руках какое-нибудь пустяковое дело.

– Но ведь он... Ведь я... – Вид у Ллевелина, прямо скажем, был неважнецкий, но он справился с собой. – Черт! Мне нужно срочно позвонить.

– Милости просим.

Я освободил стул, он плюхнулся на него и сразу же, не заглядывая в записную книжку, начал набирать номер. Руки у него тряслись, но, судя по всему, он знал, что делает. Я молча наблюдал за ним.

– Алло, алло! Это вы, Стайс? Говорит Лу Фрост. Отец еще на месте? Тогда попробуйте соединиться с конторой мистера Макнейра. Па, это ты? Да, я. Скажи, тетя Калли еще там? Что, ждет меня? Послушай, я говорю из кабинета Ниро Вулфа, Западная Тридцать пятая улица, дом девятьсот восемнадцать. Нужно, чтобы ты и тетя Калли срочно приехали сюда. Нет, по телефону не объяснишь. Вы должны приехать. Честное слово, это от меня не зависит. Ну и что? Вези ее сюда. Вы можете добраться за десять минут. Нет, это частный дом.

А Вулф так и сидел с закрытыми глазами.

Глава 4

Сборище в тот день было – закачаешься! Я частенько перелистываю тогдашнюю запись, чтобы от души позабавиться. Дадли Фрост оказался едва ли не первым человеком в доме Вулфа, который заговорил хозяина до умопомрачения. Правда, благодаря пространности своих речей, а не их содержанию. Однако же действительно до умопомрачения.

Они прибыли в самом начале третьего, и Фриц тут же провел их в кабинет к Вулфу.

Первой вошла Калида Фрост, мамаша Хелен, тетя Калли, как звал ее Лу, хотя правильнее было бы – поскольку закадычными друзьями мы так и не стали – представить ее как миссис Эдвин Фрост. Разумеется, это оказалась та самая дама средней упитанности с прямой спиной и властным ртом. Она была привлекательна, хорошо сложена; глаза карие с рыжеватым оттенком, напоминающие цветом темное пиво, смотрели прямо, не выражая, впрочем, никаких чувств, но вообще она не очень походила на мать юной богини. Дадли Фрост, отец Ллевелина, был грузен, тянул фунтов на двести, но не столько по причине ожирения, сколько из-за высокого роста. Под стать его седой шевелюре были и аккуратно подстриженные серые усики, а нос от какого-то давнего неосторожного столкновения был немного свернут набок. Впрочем, разглядеть сей недостаток мог только такой опытный наблюдатель, как я. В довершение отмечу дорогой серый костюм в тонкую полоску, с щегольской красной гвоздикой в петлице.

Ллевелин встретил их у дверей и представил нам. Дадли Фрост торопливо бросил Вулфу и мне: «Здрассте», а я уже подтаскивал посетителям стулья. Старший Фрост сразу насел на младшего:

– Отчего такая срочность, дорогой мой? Случилось что-нибудь? Осторожнее, Калида, у тебя сумочка сейчас упадет! Может, вы меня просветите, мистер Вулф? По правде говоря, у нас сегодня

составляется хорошая партия в бридж. В чем проблема? Сын кое-что рассказал мне и моей невестке миссис Фрост, и мы решили, что ему надо ехать к вам.

– Мистер Вулф требует десять тысяч! – одним духом выпалил Ллевелин.

– Правда? – хохотнул Фрост-старший. – Видит бог, я бы и сам от таких денег не отказался. Кстати, было время... Впрочем, это уже древняя история. – Он посмотрел на Вулфа и поинтересовался: – И зачем вам десять тысяч долларов, мистер Вулф?

Вид у Вулфа был угрюмый, он понял, что болтовня Фроста засасывает, как трясины, и произнес низким, зловещим тоном:

– Чтобы положить их на свой банковский счет.

– Ха-ха! Прекрасно сказано! И самое интересное, что я сам напросился, черт меня побери! Строго говоря, вы дали единственно верный ответ на мой вопрос. Мне надо было спросить... гм... что я должен был спросить? Ах да! Какие у вас основания требовать десять тысяч долларов – и у кого? Надеюсь, не у меня, поскольку у вашего покорного слуги их попросту нет. Сын сообщил мне, что попросил вас в преддверии... в предварительном порядке выполнить определенную работу. Уверяю вас, это он по глупости. Мой сын – великовозрастный оболтус, но разве можно рассчитывать получить десять тысяч от человека только потому, что он оболтус? Вряд ли, ибо такой суммы у него тоже нет. И у моей невестки, насколько мне известно. Может, я не прав, Калида? Есть ли смысл продолжать наш разговор? Мне кажется, он безрезультатен.

Не соизволив даже взглянуть на деверя, миссис Эдвин Фрост обратилась к Вулфу.

– По-моему, самое важное, – заговорила она приятным грудным голосом, – это убедить мистера Вулфа, что он сделал неверный вывод из слов Хелен. – Она улыбнулась. – Это моя дочь. Но поскольку Лу настоял, чтобы мы приехали сюда, может быть, сначала послушаем, что скажет мистер Вулф?

Вулф перевел на нее пристальный взгляд из-под полуопущенных век:

– Весьма немного, мадам. Ваш племянник поручил мне провести расследование и даже убедил предпринять беспрецедентный, крайне неприятный шаг. Но едва я начал работу, он сообщил, что инцидент исчерпан, и поинтересовался, сколько он должен. Я назвал сумму и, учитывая все обстоятельства, потребовал немедленной выплаты. Тогда он ударился в панику и позвонил отцу.

Брови миссис Фрост поднялись, и на лбу собрались морщинки.

– И вы запросили десять тысяч долларов? – (Вулф едва заметно кивнул.) – Простите, мистер Вулф, – возразила она. – Конечно, я решительно ничего не понимаю в вашем бизнесе... – Она снова обворожительно улыбнулась. – Или вы называете это профессией? Как бы то ни было, десять тысяч – значительная сумма. Вы всегда столько берете?

– Подожди, подожди! – заерзал на стуле Дадли Фрост. – В конце концов, все очень просто. Давайте разберемся. Только по порядку. Прежде всего, договоренность была сугубо предварительной. Она и не могла быть иной. Мистер Вулф в тот момент еще не знал всех обстоятельств – как же он мог сказать, что сумеет распутать дело? Во-вторых, допустим, что час мистера Вулфа стоит двадцать долларов – значит, Лу должен ему сорок. Я самым известным адвокатам и то меньше платил. В-третьих, говорить о десяти тысячах вообще бессмысленно, потому что у нас их нет. – Он подался вперед и положил на стол свою огромную лапу. – Мистер Вулф, буду с вами совершенно откровенен. У моей невестки – ни цента за душой. Уж кто-кто, а я-то знаю. Все, что осталось от состояния моего брата, перейдет к его дочери, моей племяннице. За исключением Хелен, все мы просто нищие. Мой сын думает, что у него дела налаживаются, но ему и прежде так казалось. Поэтому я весьма сомневаюсь, что вы получите деньги, хотя, конечно, имеете право подать в суд. Вот только тяжба наверняка затянется, и в конечном счете вам все равно придется пойти на уступки...

– Отец! Послушай, отец! – несколько раз пытался остановить его Ллевелин. Видя, что слова не действуют, он перегнулся вперед и крепко схватил отца за колено. – Помолчи хоть минуту! Дай мне сказать. Мистер Вулф не собирается затягивать дело. В шесть часов сюда придет инспектор Кремер.

– Ну и что? Разве это причина, чтобы ломать мне колено? И вообще, кто он такой, инспектор Кремер?

– Ты прекрасно знаешь, кто он. Начальник отдела по расследованию убийств.

– А-а, этот... Откуда тебе известно, что он придет? Кто тебе сказал?

– Он сам звонил сюда. После этого я и попросил вас приехать.

В глазах Дадли Фроста что-то мелькнуло. «Интересно, заметил ли Вулф?» – подумал я.

Фрост-старший спросил сына:

– Ты сам разговаривал с инспектором Кремером?

– Нет, – вмешался я бесцеремонно. – Разговаривал я.

– Ах вот оно что! – Он расплылся в широкой понимающей улыбке, повернулся к Вулфу, а затем снова ко мне. – Судя по всему, вы неплохо потрудились. Я понимаю, что это самый лучший способ выжать из нас деньги – организовать звонок из полиции в тот момент, когда мой сын находится в этом кабинете. Однако же...

– Арчи, – отрезал Вулф, – выстави этого джентльмена за дверь!

Я положил карандаш на стол и поднялся. Ллевелин тоже вскочил с места и затоптался как дурак. Тетушка же, как я заметил, только приподняла бровь.

– Бросьте, мистер Вулф, – рассмеялся Дадли. – А вы сядьте, мальчики. – Он вперился глазами в Вулфа. – Видит бог, я не обвиняю вас в позерстве или...

– Мистер Фрост, – Вулф погрозил ему пальцем, – вы сказали о телефонном звонке, подстроенном специально, чтобы произвести на вашего сына определенное впечатление. А это крайне оскорбительно. Возьмите свои слова обратно или убирайтесь отсюда!

Фрост снова засмеялся:

– Хорошо, скажем так: вы хотели произвести впечатление на меня.

– Это еще оскорбительней, сэ.

– Ну, тогда на мою невестку. Калида, на тебя это произвело впечатление? На меня, должен признаться, да. Что же получается? Мистер Вулф требует десять тысяч долларов. Если он их не получит, то встретится с инспектором Кремером, где и как – не имеет значения, и сообщит ему, будто Хелен сказала, что видела злополучную коробку конфет до того, как она попала в руки к Молли Лок. Ничего подобного Хелен, естественно, не говорила, но полиция замучит расспросами ее и всех нас. Вероятнее всего, дело получит огласку, станет достоянием газетчиков. Поскольку мне доверено управлять имуществом Хелен, на мне лежит такая же ответственность, как и на тебе, Калида. – Фрост-старший впился глазами в сына. – И все из-за тебя, Лу! Один ты виноват во всей этой истории. Ты позволил этому Вулфу начать нечестную игру. Сколько раз тебя предупреждали...

Не вставая с кресла, Вулф нагнулся и протянул руку к миссис Фрост, его указательный палец почтительно застыл в дюйме от рукава ее коричневого твидового пальто.

– Будьте добры, уймите его, – попросил он.

Она пожала плечами (деверь ее продолжал разглагольствовать), потом резким движением поднялась и, обойдя присутствующих сзади, подошла ко мне:

– У вас не найдется приличного ирландского виски?

– Найдется, – сказал я. – Думаете, поможет?

Она кивнула:

– Двойное, неразбавленное. И простой воды отдельно.

Я подошел к бару, вытащил бутылку «Старого Коркорана» и щедро налил двойную порцию. Потом вместе со стаканом воды поставил ее на поднос у стула оратора. Узрев стаканы, он поднял глаза.

– Это еще что такое? А где бутылка? – Потом поднес виски к своему скособоченному носу. – Однако недурственно! – Обвел всех

взглядом. – Кто-нибудь желает присоединиться? Лу? Может, ты, Калида? Никто? – И, снова понюхав стакан, провозгласил: – В таком случае – за здоровье всех Фростов, живых и мертвых! Да благословит их Господь!

Он не смаковал виски маленькими глоточками, не опрокинул стакан одним махом, а выпил его, как пьют молоко. Потом взял воду, осторожно отхлебнул и, поставив стакан на поднос, откинулся на спинку стула, в задумчивости поглаживая усы кончиком пальца. Вулф следил за ним настороженно, как стервятник.

– Так что там насчет инспектора Кремера? – негромко спросила миссис Фрост.

Вулф обернулся к ней:

– Ничего, мадам, кроме того, что сказал ваш племянник.

– Он придет посоветоваться с вами?

– Да, он так сказал.

– Относительно смерти Молли Лок?

– Да, он так сказал.

– Не кажется ли вам... – Она замялась. – Вы всегда обсуждаете с полицией дела своих клиентов?

– Я обсуждаю дела со всеми, кто может располагать полезной информацией. – Вулф посмотрел на часы. – Мне кажется, мы можем подвести итог. Сейчас без десяти четыре. Два часа – с четырех до шести – я всегда провожу у себя наверху, в оранжерее, и ни в коем случае не желаю менять свои правила. В сущности, все очень просто, как с поразительным красноречием разъяснил ваш деверь. Я не выставляю никакого ультиматума мистеру Ллевелину Фросту. Напротив, я предлагаю ему выбор. Либо он немедленно выплачивает всю сумму, которая полагалась бы мне по выполнению заказа, – он прекрасно знал, что я беру высокие гонорары, – и мы прекращаем отношения. Либо я продолжаю расследование до конца, а уж потом выставляю ему счет. Естественно, у меня будут дополнительные трудности, если его близкие попытаются воспрепятствовать мне.

Миссис Фрост покачала головой.

– Мы не собираемся чинить вам никаких препятствий, – сказала она мягко. – Но совершенно очевидно, что вы неверно истолковали выражение моей дочери, и мы, естественно, озабочены этим. Кроме того, если вы собираетесь обсудить это с полицией, было бы желательно, чтобы вы поняли...

– Я понимаю, миссис Фрост, – перебил Вулф, глядя на часы. – Вы хотели бы услышать заверение, что я не сообщу инспектору Кремеру, как я истолковал выражение вашей дочери. Простите, но я не могу дать такого заверения до тех пор, пока не устранюсь от дела с выплатой полного гонорара или пока не получу подтверждения от мистера Ллевелина Фроста – а при сложившихся обстоятельствах также от вас и вашего деверя – о необходимости продолжить расследование, за которое я взялся. Добавлю, что ваши опасения беспочвенны, хотя и весьма понятны. Вероятность, что ваша дочь замешана в убийстве мисс Лок, ничтожно мала. Если же по чистой случайности она располагает какой-либо важной информацией, которую по великодушию или осторожности предпочла пока скрыть, то чем скорее она представит ее, тем лучше, и желательно до того, как об этом узнает полиция.

Миссис Фрост нахмурилась:

– Моя дочь не располагает никакой информацией.

– Не обижайтесь, мадам, но об этом мне надо лично спросить вашу дочь.

– Значит, вам хотелось бы продолжить расследование? В противном случае вы намерены информировать инспектора Кремера?

– Я ничего не говорил о своих намерениях.

– Но вы хотите продолжить...

– Да, – кивнул Вулф, – либо я продолжаю дело, либо сейчас полностью получаю свой гонорар.

– Послушай, Калида, – заговорил Дадли Фрост, выпрямившись на стуле. – Я вот сидел и думал... – (Вулф положил обе руки на

подлокотники кресла.) – Почему бы нам не позвать Хелен сюда? Этот Вулф попросту блефует. Максимум осторожности – вот что нам сейчас нужно, иначе плакали десять тысяч денежек Хелен. Поскольку ответственность за них лежит на мне, то я и обязан это предотвратить. Священный долг всякого опекуна – сохранить в целостности собственность, доставшуюся по наследству. Выплатить же десять тысяч из какого-нибудь дополнительного дохода мы не можем, потому что у нас его нет. Единственный способ разоблачить этот обман...

Я уже двинулся к бару, чтобы достать еще виски, – очевидно, организм нашего гостя уже хорошо усвоил первую порцию, – но глянул на шефа и остановился. Вулф отодвинул кресло, поднялся, обошел стол и, встав перед Ллевелином Фростом, объявил громко, перекрывая шумное словоизвержение Дадли Фроста:

– Я должен идти. О своем решении сообщите мистеру Гудвину.

Он направился к двери, не подумав даже остановиться, когда Дадли крикнул ему:

– Эй, куда же вы? Убегаете? Ну ладно, сэр, мы еще... – Поскольку мишень его словесных стрел уже скрылась из поля зрения, он обернулся к невестке: – Вот видишь! Что я тебе говорил – мы разоблачим этот обман. Все, что требуется в таких случаях...

Миссис Фрост даже не повернула головы, когда вышел Вулф. А Ллевелин снова потянулся к отцовской коленке, тщетно взывая:

– Да уймись же ты, отец! Послушай меня.

– Ну вот что, господа, – сказал я, вставая, – если вам надо поговорить, я вас ненадолго оставлю.

– Благодарю вас, – покачала головой миссис Фрост. – Думаю, в этом нет необходимости. – Она обернулась к племяннику, голос ее звучал твердо. – Вот что, Лу, ты затеял эту историю – тебе ее и расхлебывать.

Ллевелин что-то ответил ей, потом в разговор вмешался его отец, но я мало что слышал, так как вставил в машинку лист бумаги, напечатал дату и начал отстукивать:

Ниро Вулфу

Прошу продолжить впредь до особого уведомления расследование обстоятельств смерти Молли Лок, которое я поручил вам вчера, в понедельник, 30 марта 1936 года.

Крутанув валик, я вынул лист из машинки, положил его на край стола шефа и подал Ллевелину авторучку. Тот начал читать. Фрост-старший вскочил и схватил его за рукав:

– Не вздумай подписывать! Дай сюда! Что он там сочинил?

Ллевелин отдал отцу бумагу, и тот, хмурясь, дважды внимательно прочитал ее. Миссис Фрост тоже взяла листок, быстро пробежала его глазами и обратилась ко мне:

– Думаю, мой племянник не должен ничего подписывать.

– А я думаю, что должен. – Затянувшиеся словопрения так же осточертели мне, как и Вулфу. – Вы, господа, не хотите понять одной простой вещи. Если мистер Вулф сочтет себя свободным от обязательств перед клиентом и изложит инспектору Кремеру свои соображения о мисс Фрост, знаете, что произойдет? Кремер целую неделю возится с этим убийством – и все без толку. Уже говорят, горящие сигареты от злости глотает. За любую зацепку рад-радешенек ухватиться. Мисс Фрост сразу же доставят в управление. Куском резинового шланга бить ее, пожалуй, не станут, но разговор будет на целую ночь, и нелегкий разговор. Вы вряд ли...

– Хорошо! – Дадли Фрост хмуро смотрел на меня. – Мой сын решил. Пусть Вулф продолжает расследование. Я с самого начала думал, что так будет лучше, но этого он не подпишет.

– Подпишет, – возразил я, беря бумагу из рук Калиды Фрост и снова кладя ее на стол. – Чего тут раздумывать? – Я поднял руки вверх. – Черт, трое против одного! Вам же самим потом стыдно будет. Тут черным по белому написано: «Впредь до особого уведомления» – никакого подвоха. Вы же слышали, что сказал мистер Вулф. Ей-богу, в противном случае мне самому придется побеседовать с инспектором Кремером.

Лу Фрост исподлобья посмотрел на тетушку, на отца, потом на меня.

– Да, заварилась каша. – Он поморщился. – Будь у меня десять тысяч!..

– Осторожнее, – предупредил я, – ручка иногда подтекает. Подписывайте!

Он нагнулся над столом и нацарапал свое имя. Остальные Фросты мрачно смотрели на него.

Глава 5

– У меня даже была мысль позвать нотариуса и заставить Стеббинса подтвердить показание под присягой. – Инспектор Кремер пожевал сигару. – Ниро Вулф в здравом уме и трезвой памяти среди бела дня в миле от своего дома?! Не иначе как налет на казначейство Соединенных Штатов, и надо срочно вызывать войска и объявлять военное положение.

Часы пробили четверть седьмого. После двух часов в компании с цветами и Теодором Хорстманом Вулф спустился в кабинет и теперь принялся уже за вторую бутылку пива. Я выдвинул из стола нижний ящик, закинул на его край ноги и устроился поудобнее с блокнотом на коленях. Вулф сидел, отвалившись на спинку кресла и сплетя руки на животе.

– Ничего удивительного, сэр, – угрюмо согласился он. – Когда-нибудь я постараюсь вам это объяснить. Но пока воспоминание еще слишком свежо в моей памяти, и я предпочел бы сейчас не говорить об этом.

– Нет так нет. А я уж подумал, вдруг вы избавились от своих странностей.

– Нет, не избавился. Как же человеку без странностей?

– Лично я прекрасно без них обхожусь. – Кремер вытащил сигару, повертел ее и снова зажал в зубах. – У меня на странности мозгов не хватает. Взять, к примеру, хотя бы вот это дело – убийство Молли Лок. Восьмой день над ним бьюсь, а что толку! Только и узнал, что ее отравили. Абсолютно точно – отравили! – Инспектор подался вперед. – Я это из судебно-медицинского эксперта клещами вытянул. Ей-богу, просто голова кругом идет! – Он снова откинулся назад и брезгливо поморщился. – Ну вот, кажется, все вам выложил. Может, и вы кое-чем поделитесь? Вы же все равно получите гонорар, какой захотите, а заодно поможете мне сохранить место.

– Сожалею, мистер Кремер, – покачал головой Вулф, – но мне нечего вам выложить. Мне даже неизвестно, отравлена Молли Лок или нет, разве что из вторых рук. Я с судебным-медицинским экспертом не беседовал.

– Да бросьте вы! – Кремер вынул сигару. – Кто вас нанял?

– Мистер Ллевелин Фрост.

– А-а, этот, – пробурчал инспектор. – Просил с кого-нибудь снять подозрения?

– Нет, расследовать обстоятельства смерти.

– Правда? И сколько же вам на это потребовалось? – Вулф налил пива в стакан и выпил. Кремер продолжил, не дождавшись ответа: – Не возьму в толк, он-то чего так хлопочет? Не к нему же эта девица Лок подбиралась, а к тому французу, Перрену Жеберу. С какой стати Лу Фрост вдруг отваливает порядочный кусок? Ничего себе камешек в здание истины и справедливости!

– Не знаю. – Вулф вытер губы. – Мне на самом деле нечего вам сообщить. Не имею ни малейшего представления...

– Хотите сказать, ездили на Пятьдесят вторую улицу, чтобы проветриться?

– Что вы, упаси господи! Однако никакой информации и даже догадок у меня для вас нет.

– Понятно... – Кремер потер ладонью колени. – Понятно, что информации для меня нет, но это не означает, что ее у вас вообще нет. Будете продолжать копать?

– Выходит, так.

– Надеюсь, вы не обещали Лу Фросту вырыть кому-нибудь яму?

– Если я вас правильно понял, нет, не обещал.

Кремер с полминуты разглядывал изжеванную сигару, потом бросил ее в пепельницу и нащупал в кармане новую. Откусив кончик и смахнув с языка табачные крошки, он зажал сигару в зубах и поднес к ней огонь. Глубокая затяжка, огромный клуб дыма – и наш гость стал поудобнее устраиваться в кресле.

– Хоть вы, Вулф, дьявольски самоуверенны, тем не менее однажды признали, что в девяти случаях из десяти я лучше вас разбираюсь в убийствах.

– Неужели признал?

– Точно! Теперь я веду счет, и, представьте себе, заварушка с Молли Лок – как раз десятая после той истории с подложными чеками, помните? Там еще старик Перри проходил? Я рад, что вы сейчас сами взялись распутать концы. Я знаю, не в ваших правилах распространяться о работе. Но раз уж мистер Вулф побывал на месте происшествия, может, он соизволит подтвердить, что ему кое-что стало известно? Насколько я понимаю, у вас был разговор с Макнейром и двумя девицами, ну, теми, которые видели, как Молли ела конфеты.

– Да, был, – согласился Вулф. – От них я узнал и без того очевидные вещи.

– Очевидные – это вы хорошо сказали. Я одно и то же раз десять с двумя красотками проговаривал. И со всеми остальными служащими тоже беседовал. Мои ребята уточнили, кто присутствовал в тот день на демонстрации мод, и я лично опросил не меньше двух десятков человек. Кроме того, мы установили, где и когда за последний месяц в городе продавали двухфунтовые коробки «Королевского набора» компании «Бейли», и выяснили то же относительно цианистого калия. Даже в Дарби, штат Огайо, двоих людей посылал – там родители Молли Лок живут. Наконец, дюжину типов, которые могут быть причастны к этой истории, взяли под наблюдение.

– Вот видите, – сказал Вулф, – значит, я правильно говорил, что вы лучше разбираетесь.

– Бросьте валять дурака! Вы же знаете, я опытный полицейский. Но вот уже восьмой день на исходе, а я все гадаю – может, ее по ошибке отравили, то есть конфеты кому-то другому предназначались? А может, сами эти девицы и поработали, Фрост и Митчелл? Решили, что на них-то никто не подумает. Знали, что

Молли любит подобные штуки выкидывать, вот и подложили коробку, чтобы она ее стянула. Или прямо в руки ей отдали и что-нибудь сочинили. Вот только зачем им это? Как ни бьюсь, ни у кого не нахожу причины отравить ее. Говорили, она к Жеберу неровно дышала, а он на нее – ноль внимания. Однако на шею ему она, похоже, не вешалась.

– Неровно дышала? – ворчливо переспросил Вулф.

– Да ладно вам, шеф, – вставил я. – Ну, равнодушна к нему была.

– Жебер в тот день тоже на показ пришел, – продолжал Кремер. – Но сколько я на него ни давил, ничего путного не выжал. Короче, нет даже намека на мотив преступления – разумеется, если яд предназначался действительно для нее, в чем лично я сильно сомневаюсь. Скорее всего, она и впрямь стащила эту проклятую коробку – просто так, для забавы. Допустим, мы принимаем эту версию, ну и что дальше? Дальше – полный мрак. Народу на показе мод было человек сто, а то и больше. И каждый из них мог притащить эти конфеты. Сами видите, обстановочка – хуже не придумаешь. Мы засекали свыше трехсот покупок двухфунтовых коробок «Королевского набора», а на этом сборище у Макнейра установили столько случаев обид, озлобления и вражды, что на двадцать покушений хватит. Все это теперь в нашей картотеке... Ну а дальше-то что?

Кремер умолк и яростно зажевал сигару. Я не удержался:

– Инспектор, вы пришли проверить и нашу картотеку? У нас она в ажуре.

– А тебе слова не давали! – огрызнулся Кремер. – Да, я пришел потому, что получил взбучку. Ты хоть раз такое от меня слышал? И никто не слышал. – Он обратился к Вулфу: – Так вот, доложили мне, что вы сегодня туда пожаловали, и я про себя подумал: ну, теперь держись! Подробностей я, конечно, не знал, но сразу решил – дай-ка взгляну к нему. Может, подарит какую-нибудь информацию, ну, вроде как на память. Любой подарок приму. Дельце-то из таких, что

публика ни за что не успокоится, да тут еще проклятые газетчики масла в огонь подливают. Причем все подряд. Как-никак Молли Лок – симпатичная молоденькая особа. Другие две манекенщицы – тоже смазливые девицы. А дамочки, которые пришли на демонстрацию мод? Да половина из них в «Светском справочнике» значится. Сам Х. Р. Крэг с супругой пожаловал. Нет, публика просто так не успокоится. Комиссар уже все руки о подлокотники отбил. Да вы сами знаете, как он заводится. Помните, у вас тут тоже кулаками стучал?

– Да, от мистера Хомберта много шума, – кивнул Вулф. – Мне крайне жаль, мистер Кремер, но я действительно ничем не могу вам помочь.

– Угу, мне тоже жаль. И все же кое-чем можете. Дайте какую-нибудь версию, хоть самую невероятную. Мне нужен первый толчок, понимаете?

– М-да... Ну, давайте вместе подумаем. – Вулф откинулся в кресле и прикрыл глаза. – Итак, вы не можете найти мотив преступления. С одной стороны, не видите никаких причин убивать именно мисс Лок, а с другой – слишком много причин в случае убийства по ошибке. Проверили, кто и где покупал конфеты и яд, и это тоже не дало никаких результатов. Короче, вы считаете, что вам не за что зацепиться. И тем не менее отправной пункт есть. Вы им воспользовались?

– Чем именно? – Глаза у Кремера округлились.

– Есть одна деталь. Я имею в виду ту самую коробку конфет. Что вы с ней сделали?

– Ясно что – отдал на химический анализ.

– Расскажите поподробнее.

Кремер стряхнул пепел с сигары:

– Особенно рассказывать нечего. Обычные конфеты в двухфунтовой расфасовке, их делает компания «Бейли» в Филадельфии. В Нью-Йорке продаются повсюду – и в фирменных магазинах, и в аптеках, по доллару шестидесяти за коробку.

Называется «Королевский набор». Там всего понапихано: шоколад, засахаренные фрукты, конфеты с орехами. Перед тем как отдать коробку на анализ, я связался по телефону с фабрикой-изготовителем и спросил, всегда ли одинаково содержимое «Королевского набора». Сказали, что всегда. Более того, укладывают конфеты в определенном порядке, строго по ассортиментному перечню, и зачитали мне его. Я послал купить пару коробок и сравнил их с перечнем. Тютелька в тютельку! Потом проверил коробку, из которой брала конфеты Молли Лок. Трех штук не хватало – ананаса в сахаре, засахаренной груши и с ореховой начинкой – с испанским миндалем. Так говорит и эта девица Митчелл – все сходится.

– Фруктовые, ореховые, шоколадные... – задумчиво кивал Вулф. – А карамели там не было?

– Карамели? – вылупился Кремер. – При чем тут карамель?

– Просто так. Любил я ее когда-то.

– Так я и поверил, – проворчал инспектор. – Нет, карамель в «Королевский набор» не кладут. Это плохо?

– Может быть. Во всяком случае, ваша информация несколько охлаждает мой интерес. Кстати, вы кому-нибудь рассказывали подробности насчет ассортимента и укладки конфет?

– Нет, только вам. Надеюсь, вы умеете хранить секреты. Он у меня – единственный.

– Отлично! Ну а что показал анализ?

– Отлично-то оно отлично, только мне от этого не легче. Что показал анализ? Все остальные конфеты в порядке, за исключением четырех миндальных в верхнем ряду. В каждую коробку «Королевского набора» в верхний ряд кладут пять конфет с испанским миндалем. Одну из них съела Молли Лок. В четырех остальных обнаружено по шесть гран цианистого калия.

– Вот как! Значит, отравлены были только конфеты с миндалем?

– И понятно почему. Цианид калия по запаху, да и по цвету напоминает миндаль. Наш эксперт утверждает, что у отравленной

конфеты более резкий вкус и запах, но если человек любит миндаль, то он этого не заметит. Вы, конечно, знаете, как делают конфеты с испанским миндалем? Покрывают орехи сладкой глазурью, ну и разные красители добавляют. Так вот, в этих конфетах проделали небольшие отверстия, положили туда кристаллики цианида, а потом снова покрыли глазурью. – Кремер пожал плечами. – Вы говорите, что коробка – отправной пункт. Отправиться-то я отправился, а вот куда пришел? Сажу в вашем кабинете, честно сказал, что мне задали взбучку, а этот щенок Гудвин скалится во весь рот.

– Не обращайтесь внимания на мистера Гудвина. А ты, Арчи, не раздражай инспектора! Мистер Кремер, вы пока никуда не отправились, а только подготовились к отправке. Но полагаю, что еще не поздно начать движение. Если, например, мы с вами...

Откинувшись на спинку кресла, он прикрыл глаза, и я видел, как едва заметно задвигались его губы – он их вытягивал трубочкой и снова растягивал.

Кремер смотрел на меня, недоуменно сморщив лоб. Я мотнул головой:

– Смотрите, сейчас будет фокус-покус.

– Заткнись, Арчи! – буркнул Вулф.

Я подмигнул Кремеру, и мы стали ждать. Если бы ожидание слишком затянулось, мне бы, наверное, пришлось выскочить из комнаты – до того смешно было смотреть на инспектора. Он сидел как приклеенный, боялся шевельнуться, чтобы только не потревожить работу мыслительного аппарата Вулфа. Он даже забыл стряхнуть пепел с сигары. Вообще, вид был такой, словно ему в самом буквальном смысле задали взбучку. А на меня он таращился, наверное силясь показать, что и он еще соображает.

Наконец Вулф пошевелился, приоткрыл глаза и заговорил:

– Мистер Кремер, а что, если нам с вами попытать счастья в одном эксперименте? Вы могли бы встретиться с мистером Гудвином завтра в девять утра у Макнейра? И захватите, пожалуйста, пять коробок «Королевского набора» компании «Бейли».

– Буду как штык. А что дальше?

– Ну... посмотрим. Арчи, где у тебя блокнот?

Блокнот был под рукой, и я быстро раскрыл его на чистой странице.

После ужина я отправился на Бродвей, разыскал в каком-то магазинчике «Королевский набор» и просидел до полуночи, раскладывая на столе конфеты и запоминая порядок их расположения в коробке.

Глава 6

Когда на следующий день, в среду, без трех минут девять, я лихо подкатил на своем «родстере» к зданию «Бойден Макнейр инкорпорейтед» на Пятьдесят второй улице – местечко, надо полагать, было расчищено по распоряжению полиции, – мне было искренне жаль Ниро Вулфа. Охотник до всяческих представлений, он умел сделать так, чтобы зритель тянул шею, и вот сейчас здесь по его сценарию разыгрывалось настоящее кино, но разыгрывалось оно в доброй миле от его оранжереи и большущего кресла. Однако, вылезая из автомобиля, я пожал плечами и подумал: ну что ж, старый толстый греховодник, сидя дома, белого света не повидаешь.

У входа в здание стоял швейцар в ливрее и рядом с ним – кряжистый краснолицый парень в шляпе, из-за малости размера сдвинутой на самый затылок. Я подошел к двери, но он преградил мне путь:

– Прошу прощения, сэр. Вас просили приехать? Пожалуйста, назовитесь.

Он достал лист бумаги, на котором был напечатан список имен.

– Послушайте, дружище, – я посмотрел на него свысока, – это я просил приехать всех остальных.

– Вот как? – покосился он. – Ну да, конечно. Но инспектор сказал, что для вашего брата ничего нет. Проходите, не задерживайтесь.

Он принял меня за репортера. Это само по себе оскорбительно, а вдвойне обидно из-за того, что вырядился я, как на праздник: неброский бежевый костюм в едва заметную золотистую полоску, легкая бежевая сорочка, зеленый галстук из дорогой материи и темно-зеленая шляпа с мягкими полями.

– Дружище, вы что, ослепли на один глаз, а другим сроду не видели? Я Арчи Гудвин, помощник Ниро Вулфа.

Пришлось вытащить визитку и сунуть ему под нос.

Краснолицый посмотрел внимательно:

– Теперь порядок. Вас ждут наверху.

Внутри было пусто, только у лифта торчал еще один тип. Этого я знал – Слим Фольц. Мы вежливо поприветствовали друг друга, я вошел в кабину и поднялся на второй этаж.

Кремер постарался на славу. В большую комнату со всего здания натащили стульев, и на них восседало человек пятьдесят – в основном женщины, хотя затесалось и несколько мужчин. Было шумно. Подальше, где начинались кабинки, сбились в кучку четверо или пятеро полицейских. По другую сторону стоял Кремер и разговаривал с Бойденом Макнейром. Я подошел к ним.

– Минутку, Гудвин, – кивнул Кремер и, сказав еще что-то Макнейру, повернулся ко мне. – Ничего себе сборище! Согласились прийти шестьдесят два человека, налицо – сорок один. Не так уж плохо.

– Служащие все здесь?

– Все, кроме швейцара. Он нам нужен?

– Да, нам нужны все без исключения. Где будем работать?

– В главной примерочной, третья комната налево. Я назначил ответственным капитана Диксона. Ты ведь знаешь его?

– Когда-то встречались. – Я пошел по коридору и свернул в третью дверь налево. Комната была поменьше той, где мы собирались накануне. За столом сидел лысый коротышка с оттопыренными ушами и цепким, как у стервятника, взглядом. Перед ним на столе были аккуратно разложены листы бумаги и карандаши, а по правую руку горкой возвышались пять коробок «Королевского набора».

Я сказал, что он, очевидно, капитан Диксон, а я Арчи Гудвин и что утро выдалось недурное. Дабы не тревожить голову и сберечь энергию, он глянул на меня, ворочая одними глазами, и издал звук, напоминающий то ли совиное уханье, то ли кваканье жабы. Я выслушал его и отправился назад, в большую комнату. Макнейр обошел сидящих и примостился где-то сзади на стуле.

– Больше ждать нечего, – сказал Кремер. – А то и эти разбегутся.

– Валяйте, – милостиво отозвался я и прислонился к стене, оглядывая присутствующих.

Публика, как и следовало ожидать, была разношерстная – всех возрастов, объемов и сложения. Очень немногие женщины могут позволить себе выложить три сотни за весенний костюмчик, и почему-то они всегда такие, каких можно обрядить и в старую мешковину. Все равно никакой от них пользы. Правда, бывают исключения, и среди них – миссис Эдвин Фрост, сидящая подчеркнуто прямо в первом ряду. По обе стороны от нее красовались две юные богини, а позади разместились Ллевелин Фрост и его папаша. Еще я обратил внимание на рыжеволосую даму с матовой кожей и лучистыми глазами, но, узнав позже, что это графиня фон Ранц-Дайкен из Праги, выбросил ее из головы.

Стоя перед собравшимися, Кремер вещал:

– Прежде всего, я хочу поблагодарить мистера Макнейра за то, что он счел возможным закрыть на время ателье и разрешил использовать его в наших целях. Мы ценим этот его шаг и понимаем, что мистер Макнейр тоже искренне хочет разобраться в этом печальном происшествии. Во-вторых, я выражаю благодарность всем вам за то, что вы откликнулись на нашу просьбу. Нас радует, что так много сознательных граждан, готовых внести свой вклад в расследование этого... гм... печального происшествия. Никто из вас не обязан жертвовать своим драгоценным временем. Но, придя сюда, вы исполнили свой долг, то есть согласились оказать нам помощь, когда она потребовалась. Я благодарю вас от имени полицейского комиссара мистера Хомберта и окружного прокурора мистера Скиннера.

Хотелось подсказать ему: «Валяй дальше, чего уж там! От имени мэра и членов городского совета, от имени хозяев пяти районов, от имени отдела предприятий и сооружений...»

– Мы собираемся провести небольшой эксперимент, – продолжал инспектор, – и я надеюсь, что он не причинит вам беспокойства и не заденет вашего самолюбия. Не буду сейчас вдаваться в объяснения,

а по телефону, кстати, это и вовсе было невозможно. Не исключено, что кое-кто сочтет наш эксперимент пустой затеей. Он и окажется таковым для большинства из вас, может быть, даже для всех вас, и тем не менее мы просим проявить понимание. Мы даже не будем возражать, если вы потом расскажете друзьям и знакомым, какая у вас тупая, безмозглая полиция. Однако смею вас заверить, мы причиняем вам беспокойство не ради собственного удовольствия. Мы расцениваем данный эксперимент как важную часть нашей работы и как одну из попыток разобраться в этом печальном происшествии. Вот, кажется, и все. Теперь я попрошу вас по очереди пройти в главную примерочную. Это третья комната слева. Там вас встретит капитан Диксон и мистер Гудвин, я тоже приду туда. Мы зададим каждому один вопрос – и все. Это не отнимет много времени, а чтобы дело шло еще быстрее, мы просим присутствующих написать свое имя дважды на отдельных листках бумаги. После посещения примерочной мы просим вас сразу же покинуть ателье, не общаясь с теми, кто еще не отвечал на наш вопрос. Если вы хотите подождать кого-то, в вашем распоряжении коридор. Конечно, тому, кто пойдет в последнюю очередь, придется запастись терпением. Еще раз благодарю вас за сотрудничество в расследовании этого печального происшествия. – Закончив, Кремер облегченно вздохнул и, повернувшись к полицейским, сказал: – Порядок, Роуклифф! Можно начинать – давай с переднего ряда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Красная
шкатулка

Примечания

1

Эдвин Бут и Лоуренс Баррет – американские актеры XIX века. –
Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных.

[Вернуться](#)

2

Брийя-Саварен (1755–1826) – великий французский философ, кулинар, политический деятель, музыкант; автор знаменитого трактата «Физиология вкуса». – *Примеч. ред.*

[Вернуться](#)

3

Это дело описано в романе «Лига перепуганных мужчин».

[Вернуться](#)